

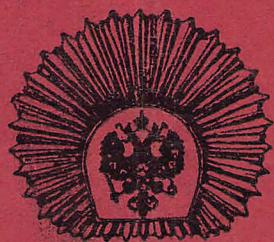
№ 40

ЯНВАРЬ 1960 Г.

ГОД ИЗДАНИЯ 9-Й

СОБЫТИЯ СУЩЕСТВУЮЩИЕ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Отец Алексей Алексеевич Геринг, и Обще-Кадетское Объединение во Франции, с глубокой
скорбью извещают о кончине члена Объединения
ЛЕЙТЕНАНТА БЕЛЬГИЙСКОГО ФЛОТА

Георгия Алексеевича ГЕРИНГ

Панихида будет отслужена у Кадетской Лампады в Париже в сороковой день 5 марта 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Памятные даты в 1960 году	1
Три знамени — Н. Н. Голеевский	1
XXX выпуск (Окончание) — Иван Сагацкий	5
Кадет — В. Сумбатов	10
Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах — Я. Демьяненко	10
Пушка — Г. Бобриков	13
Как родилась песня — Иван Горянинов	16
Артиллерийская школа — А. Левицкий	17
«Hohenfriedberger» — В. П.	18
Кадетские журналы — сообщил А. Савченко	19
Манежная езда и Конный праздник — Ф. Кочетов	20
Хроника «Военной Были»	21
Почтовый ящик	22
В Школе Императора Александра II — Г. Цвейнинский	23
Указатель к № № 1-30 «Военной Были» (Продолжение) — Е. Л. Янковский	24

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1960 ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ: во Франции и Северной Африке — 15 нов. фр. с пересылкой; в Германии — 12 марок; в Англии и Австралии — 25 шил.; в странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА: во Франции и Северной Африке — 2 нов. фр. 50 сант., в Германии — 2 м., в Англии и Австралии — 5 шил., в странах заокеанских — 80 ам. цент.

Всю переписку и денежные переводы по ИЗДАТЕЛЬСТВУ, направлять по адресу РЕДАКЦИИ: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16°). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и Северной Африки можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Paris, A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

9-й год издания

№ 40 ЯНВАРЬ 1960 Г.

Bimestriel.

Prix — 2,50 N.F.

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННОЙ БЫЛИ» ПОЗДРАВЛЯЮТ ВСЕХ ДОРОГИХ
СОТРУДНИКОВ, ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРАЗДНИКАМИ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НОВЫМ ГОДОМ.

Памятные даты в 1960 году

- 400** лет — Взятие Мариенбурга 9 февраля и поражение Ливонского ордена у Эрмеса 2 августа 1560 года (Ливонская война).
250 лет — Покорение Лифляндии и Эстляндии в 1710 г.: взятие Выборга (13 июня), Риги (29 июня), Пернова (14 августа) и Ревеля (29 сентября).
250 лет — Объявление Турцией войны России 20 ноября 1710 г.
250 лет — Основание л.-гв. Кексгольмского полка и Гвардейского Экипажа.
225 лет — Начало войны с Турцией 1735—1739 гг.
225 лет — Поход на Рейн русского корпуса для «сикурсу» австрийцам против Франции в 1735 году.
200 лет — Взятие Чернышевым Берлина 28 сент. 1760 г.
175 лет — Основание 14-го драгунского Малороссийского полка (старш. 13 февраля 1785 г.).
150 лет — Взятие П. С. Котляревским в 1810 г. крепости Мигри (14 июня) и кр. Ахалкалаки (8 дек.).
150 лет — Победа Каменского 1-го у Базарджика (22 мая) и Каменского 2-го под Батиным (26 авг. 1810 г.).
125 лет — Основание Полоцкого кадетского корпуса в 1835 г.
100 лет — Победа полк. Колпаковского над кокандцами при Кара-Костеке в 1860 году.
75 лет — Поражение генералом Комаровым афганцев на р. Кушке 18 марта 1885 г.

ТРИ ЗНАМЕНИ

Настоящий рассказ написал мной не с целью упрека автору книги «Честь» или обличения его неточностей в главе «Подвиг». Автор, в примечании, и сам говорит о том, какими скучными данными ему пришлось пользоваться и что он только хотел осветить факт спасения знамен, которые так дороги нам всем Симбирцам.

Мне же хочется приоткрыть историческую правду и отдать должное кадетам 42-го и последнего выпуска Симбирского Кадетского Корпуса.

Шел 1918 год.

Наш тихий, патриархальный Симбирск начинал, все больше и больше, чувствовать все прелести жизни под властью Советов.

В Кадетском Корпусе все еще шли уроки, приходили преподаватели, ставили нам отметки за наши успехи, но уже не по двенадцати, а по пятибалльной системе. Отметки, у большинства, становились все хуже и хуже, заниматься, что-то совсем не хотелось.

Все чего-то ждали, — что-то должно случиться...

И вот, наконец, дождались...

Подходил март. — Кадеты первой роты в спальне ложились спать, за исключением немногих любителей подзубрить или почитать, которые еще болтались в классах.

В спальне тишина, по традиции, громко разговаривать и шуметь не разрешается.

Вдруг в спальню вбегает кадет и кричит:

— Корпус окружен красной гвардией, у всех дверей красногвардейцы с пулеметами!..

Все сразу оживает... Бегут проверить... Правда, — окружены.

Первая мысль у всех:

— Надо предупредить воспитателей. Они живут в отдельном здании, недалеко от Корпуса, на другой улице.

Кадет 7-го класса 1-го отделения Н. Поярков спускается по пожарной лестнице и, через задние дворы Корпуса, проскользнув мимо красногвардейцев, бежит туда. Скоро он, благополучно, возвращается и сообщает:

— Предупредил.

Спать уже не хочется, все взволнованы и пасторожились...

Проходит еще немного времени, — опять кто-то вбегает и кричит:

— Вшли в швейцарскую, подымаются по лестнице наверх...

Во мгновение ока гаснет электричество, не то кто-то выключил, не то перерезал провода. Все погружается в кромешную темноту, а в спальне все притаились и ждут...

Дверь в спальню осторожно приоткрывается, просовывается лампа, а за ней бородатая голова, которая изрекает:

— Не пужайся, ребя, советская власть пришла.

Легит сапог, лампа — вдребезги и голова исчезает за дверью. Снова темнота, но теперь уже в спальне стоит неистовый гвалт. Новые попытки открыть дверь, встречаются градом сапог. Попытки, на время, прекращаются, но шум в спальне все усиливается.. .

Но вот, внезапно, дверь снова открывается, — лежат очереди сапог и слышится голос, старающийся перекричать страшный шум:

— Это я, Командир роты, полковник Соловьев.

Бомбардировка сразу же прекращается. Входит Командир роты, за ним офицеры воспитатели. Скоро загорается электричество. Воспитатели стараются успокоить кадет. Постепенно все затихает и засыпает.

Утро, — кадеты встают, чистятся, умываются, молитва, утренний чай. Начинаются уроки. Как будто ничего особенного, только у входных дверей стоят часовые, а в швейцарской главный караул с пулеметами.

По ротной зале, боязливо озираясь на кадет, ходят какие-то субъекты в штатском, повидимому рабочие, из "сознательных". Во время перемен кадеты к ним пристают, спрашивают, что они тут делают? Те отвечают:

— Вот нам сказали, ходить и смотреть, вот мы ходим и смотрим, а когда устанем — посидим.

Что они тут смотрят, повидимому, и сами не знают.

Так проходит день, другой, третий... — Седьмой класс второе отделение в классе, ожидает своего очередного преподавателя истории, чекоего Краснова, который в начале революции, прия к нам в класс, торжественно объявил, что он социалист-плехановец, и собирался еще что-то добавить, по был перебит кадетом К. Россинским:

— А до революции вы тоже были социалистом революционером?

— Ну, да, конечно... — Ответил он. Но не успел закончить фразы, как был вторично перебит:

— А почему же вас тогда не повесили?

Он сразу же запнулся и не знал, что ответить. Класс же задыхался от смеха и наше знакомство с учеником Плеханова на этом закончилось.

Несколько, в класс вбегает "Пуля", всеми любимый, преподаватель математики, полковник Царьков. Дежурный командует. Все вскакивают. Не обращая внимания на рапорт дежурного, он поворачивается лицом к классу и произносит:

— Ну, вы что?

Все стоят, ничего не понимая.

— Ну, вы что? — повторяет он, — разве вы не знаете, что знамена приказано сдать?

Целует меня, повидимому, как самого близко стоявшего к нему, и также неожиданно выбегает из класса.

Намек понят сразу.

Но появляется плехановец и начинается урок. Кадетам теперь уже не до учения, у всех па уме — знамена. Не могут дождаться конца. Но вот долгожданный отбой. Никто из класса не выходит, все столпились в кучу и каждый старается переговорить друг с другом.

К обеду уже все, как один:

— Знамен мы не сдадим.

Знамен три: одно наше и два Полоцкого Кадетского Корпуса, которые были переданы на хранение нашему Корпусу еще во время войны, при эвакуации Полоцка. Стоят они в Корпусной церкви. Церковь занерта, у двери часовей, а рядом, в столовой третьей роты, караул из пяти красногвардейцев.

Без ключа дверь не откроешь. Ключ у церковного служителя, который каждое утро убирает церковь.

Украсть, — может возникнуть подозрение, тогда все пропало.

Кому-то приходит мысль: сделать слепок, а по нему заказать ключ, но времени мало, нужно действовать как можно скорее.

На другой день утром, после первого урока, во время перемены прибегают два сияющих кадета: А. Пирский и Н. Ипатов. В руках у Пирского слепок.

Они не долго думая, никому ничего не говоря, пошли в церковь. На их счастье дверь открыта, служитель убирал церковь, часовой их не задерживает, а главное — ключ в скважине. Не успел часовой, чем-то отвлекшись, отвернуться от двери, как они уже вытащили ключ и слепок на воске готов, уловив же удобный момент, вставили ключ обратно, и скорее бегом в класс.

Слепок готов, — после обеда готов и ключ.

Ждать никогда, знамена могут быть сданы в любую минуту.

Кадеты 7-го класса 2-го отделения вырабатывают план похищения знамен, в исполнении которого принимают участие только кадеты этого отделения и, при том, все без исключения.

Мне и еще пяти моим одноклассникам поручается, немедленно, после вечернего чая, отправиться в столовую третьей роты и постараться отвлечь внимание караула и часового от двери церкви.

Приходим, — караул сидит за столом, а часовой на черной лестнице у церковной двери. Начинаем заговаривать:

— Ну, как товарищи живете? Как дела? Теперь у нас все по новому, власть своя, пародная. Дышать стало легче, сидишь себе и чаек попиваешь. Можно и в картишки перекинуться, никто тебе за это на хвост не наступит. К черту старые порядки!

Вынимаем карты, присаживаемся к столу и предлагаем сыграть в очко. Они как-то быстро соглашаются.

Часовой, услышав шум, заглядывает узнать, в чем дело. Предлагаем ему присоединиться:

— Что ты там, без толку, на лестнице мерзнеешь? Присаживайся, товарищ, теперь ведь свобода.

Он подходит к столу и смотрит, как мы играем.

Но не успеваем мы толком разыграться, как прибегает кадет нашего отделения и кричит:

— Что вы тут болтаетесь, пора спать идти!

А потихоньку сообщает:

— Все, слава Богу, хорошо, знамена уже в классе. — Сперли.

Как только часовой оставил церковную дверь без присмотра, два кадета стали, на махалку, следить за ним, а А. Пирский, Н. Ипатов, К. Россиян и Качалов, не теряя ни минуты, прошмыгнули на черную лестницу. К радости, ключ подошел, дверь открыта — и они уже в церкви. Сразу же бросились к знаменам и сорвали их с древков. Дверь снова заперли и со знаменами за пазухами, понеслись в класс, а по пути их следования, везде на махалках, стояли кадеты нашего отделения.

Поиграв еще немного, оставив карты на память караулу, мы, под разными предлогами, прекращаем игру и возвращаемся в класс. В классе стоит ликовение и обсуждают, что делать дальше.

Куда спрятать знамена?

Не помню кому, чуть не всем сразу, приходит мысль:

— Под пальмы!..

В классе стоят две пальмы в деревянных кадушках и к счастью, по слуху свободы, их не особенно поливают, потому что, когда потянули их за стволы, то грытали вместе с землей. Уложили на дно знамена, завернутые в клеенки и водрузили пальмы обратно. Поболтав еще немного, пошли в спальню спать.

На другой день утром церковный служитель, прияя убирать церковь, обнаруживает пропажу. Случилось все так быстро потому, что знамена Полоцкого Корпуса были завернуты в клеенки, а их в торопах порвали и унесли с собою. Наше же знамя было в чехле и его успели одеть на древко. Служитель, узрев два голых древка, сунулся к нашему, а под чехлом тоже пусто, — он сразу же поднял тревогу.

Молниеносно по Корпусу пропосится новость:

— Знамен в церкви нет.

Почти вся Первая рота бежит туда, убедиться во-очию, бежим и мы. В церкви стоят три голых древка, с нашего чехол уже тоже снят. Бросаемся к ним и стараемся отодрать, себе на память, кусочки знамен, которые еще остались на древках. Но нас скоро всех выпроваживают из церкви и мы идем обратно по классам. Все очень возбуждены, но доволины происшедшем и стараются разгадать: — Кто?.. Мы же не подаем никакого вида.

После завтрака в Корпусе начинается обыск чекистами, под предводительством нашего корпусного фельдшера Григорьева, который теперь назначен большевиками комиссаром Корпуса. Заходят в наше отделение, у нас урок и все сидят за партами. Начинают шарить по шкафчикам и партам. В одной из парт граната, — чекист тянет руку, чтобы ее взять. Несколько кадет хором кричат:

— Не трожь, взорвется!

Чекист отскакивает в сторону, кадет же Кондратьев, под общий смех класса, его тут же успокаивает:

— Бери, бери, пуста, как Григорьева голова.

Григорьев делает вид, что это его совсем не касается. Гранату забирают и обыск продолжается дальше. Не найдя ничего, разочарованные чекисты покидают наше отделение и идут обыскивать другие, но, конечно, с таким же успехом. Пальмы, Слава Богу, внимание чекистов не привлекают. Обыски продолжаются и на следующий день, из Корпуса никого не выпускают без специальных разрешений, и притом при выходе тщательно обыскивают.

На следующий день вечером, Кондратьев, ходивший по какому-то слуху в город, прияя обратно в Корпус, сообщает нам, что в городе уже известно об исчезновении знамен и что он, случайно встретив старшего Петрова, нашего кадета, выпускника старше нас, на его настойчивые просьбы сказать, где знамена, под строжайшим секретом признался, что знамена украдо 2-е отделение 7-го класса и что об этом никто, кроме нас, ничего не знает; спрятаны же они в классе, но в Корпусе идут обыски и кадеты очень боятся, и хотят, как можно скорее, их вынести и спрятать где-нибудь в городе. Тогда Петров настойчиво заявил,

чтобы ему, как старшему кадету в городе, знамена были переданы на хранение. Кондратьев, высказывая свое мнение, думает, что это самое лучшее, что мы могли бы сделать.

После недолгих разговоров, было решено передать знамена Петрову. Но возник вопрос, как их вынести из Корпуса? Выйти можно только через главный вход, через швейцарскую, — но там главный караул и никого не пропускают без обыска. Через другие выходы вообще никого не выпускают. Остается пожарная лестница, но здесь наверняка заметят и очень просто могут подстрелить. Кто-то предложил выбросить через форточку, — но это еще опаснее.

Наконец, решаем идти “на ура” — быстрота и написк.

В отделении же весь следующий день идет приготовление и намечают, кто примет участие в прорыве швейцарской. Желающими оказываются все, но и все соглашаются, что это слишком много, так как понимают, что все зависит только от быстроты.

Сразу же после вечернего чая, мы, около пятнадцати человек, одевшись как будто для того, чтобы идти в отпуск, окружив троих самых сильных кадет, которые прячут знамена за пазухами, спускаемся турьбой по лестнице вниз в швейцарскую и с шумом, всей кучей направляемся бегом к выходным дверям мимо, обалдевших от неожиданности, часовых и вылетаем на улицу. Пока часовые пришли в себя, знамена, спасенные от позорной сдачи большевикам, уже были в верных руках у нашего Петрова, который быстрым шагом уносил их к себе домой.

Поболтавшись немного на улице, мы, как ни в чем не бывало, возвращаемся в Корпус. Нас останавливают, спрашивают:

— В чем дело? Куда бегали?

Одни отвечают:

— Подышать свежим воздухом. Другие заявляют, что хотели погулять, да на улице холодно и никого нет, вот и вернулись обратно.

Не знаю, уловетворило ли караульных это объяснение, но они оставили нас в покое и мы поднялись к себе наверх.

После похищения знамен, в Корпусе, хотя еще продолжались занятия, но преподаватели, в большинстве только отбывали свой номер, а кадеты, воспользовавшись этим, вообще перестали готовить уроки. Когда же на урок пришел наш соучастник, полковник Царьков, то ему по секрету сообщили, что знамена украли мы и что они спрятаны в очень надежном месте в городе. Поблагодарили его за то, что он нас предупредил, но особенно не распространялись, потому что после передачи знамен Петрову старались поменьше о них говорить.

Проходит еще немного времени и нам объявляют, что Корпус приказано распустить и мы можем получать наши аттестаты и разъезжаться, как можно скорее, по домам.

Однако с отъездом получилась задержка, потому что очень немногие имели деньги на дорогу. Все же

постепенно кадеты начали покидать Корпус. Первым из нашего отделения уехал к себе домой в Маньчжурию, на станцию Ханфдаохедзы, И. Ипатов, а за ним последовали и другие.

Достав деньги на дорогу и получив аттестат об окончании Корпуса, я тоже был готов к отъезду. Попрощавшись со всеми и, отпоров с болью в сердце погоны и пуговицы от своей кадетской шинели, я, через несколько дней, с вечерним поездом покинул Симбирск, унося с собою самые памятные и незабываемые воспоминания о дорогом Корпусе и лихих товарищах кадетах.

Большевики же все же не унимались и требовали, чтобы знамена во что бы то ни стало были сданы. Что им отвечали наши офицеры-воспитатели, я не знаю. В душе, конечно, они были с нами, да и к тому же все знали, где знамена. Обозленные их упорством, большевики арестовали нашего Командира роты, полковника Соловьева, и отправили его в тюрьму. На его место назначили полковника Вильневецкого, но его тоже, через несколько дней, арестовали. Арестовали и нашего отделенного офицера-воспитателя, капитана Креницова, и еще несколько офицеров-воспитателей. Все они семейные и семьи стали беспокоиться и волноваться за их участь. Кадеты нашего отделения, которые по разным причинам еще оставались в Корпусе и те, у которых родные жили в Симбирске, собрались для обсуждения, как бы выручить воспитателей из беды.

Кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов предложили, что они пойдут и сознаются, что украли знамена, а на допросах будут отвечать, что кадет Ипатов увез их с собою в Маньчжурию. Ипатов же уже больше месяца, как уехал, иди и ищи его.

Кадеты сознались, их посадили в тюрьму, а воспитателей, к большой радости их семей, выпустили на свободу.

Не добившись от кадет ничего, кроме заявления, что Ипатов увез знамена в Маньчжурию, большевики назначили над ними суд народно-революционного трибунала, который состоялся в здании бывшего Окружного Суда. Желая показать свое правосудие, большевики объявили процесс при открытых дверях и при участии присяжных заседателей.

В день суда зал до отказа был набит местной публикой, которая пришла не только посмотреть, но и выразить свое восхищение кадетам.

Прокурор, в своей обвинительной речи, требовал для кадет немедленного и сурового наказания.

Зашивать же кадет добровольно взялся один из лучших адвокатов в городе, присяжный поверенный М. А. Малиновский. Свою блестящую защитительную речь он начал издалека, сначала обрисовав историю происхождения знамен и их значение, а в заключение,

Россин так и остался у меня, а Качалов нашел своих родственников и перебрался к ним. Кадет Качалов не был кадетом нашего Корпуса, а был только прикомандирован и, учась в нашем Корпусе, носил

форму своего Петербургского Императора Александра 2-го кадетского корпуса.

Когда Самару заняли чехи, мы все трое поступили добровольцами в ряды Белой Армии и почти сразу же были отправлены на фронт. Ни с кем из них я больше не встречался. И только потом мама мне передала, что приезжал в отпуск раненый Костя Россин и все время ей рассказывал, как он был и будет бить большевиков.

Присяжного поверенного М. Малиновского, за его блестящую речь и оправдание кадет, большевики, через несколько дней после суда все-таки отблагодарили.

Банда матросов ворвалась в его дом и арестовала его и жившего с ним вместе Председателя Окружного Суда, А. А. Полякова, повела их с собою, а по дороге поставили к "стенке" и расстреляли. Поляков был убит наповал, а Малиновского только ранили и, к счастью для него, не потрудились проверить и ушли, Малиновский же, прийдя в себя, дополз до первого ближайшего дома, где его подобрали и отправили в городскую больницу. После этого ему все время приходилось скрываться и только когда Симбирск был занят белыми, он присоединился к ним и впоследствии в Правительстве Адмирала Колчака занимал какой-то видный пост.

Но от своей судьбы он не ушел. При занятии Омска красными Малиновский попал к ним в плен и был вторично расстрелян.

Знамена, после суда над кадетами и их исчезновения из Симбирска, все еще находились у Петрова.

Когда и почему от передал их г-же Е. В. Овтрахт

и что ее заставило с опасностью для собственной жизни, перенося невероятные лишения и рискуя потерять их в любую минуту, пробираться в занятый коммунистами Царицын — остается поныне для меня тайной и загадкой.

Симбирск же в начале июля был занят отрядом полковника Каппеля и освобожден от большевиков. Путь на восток был открыт, так как железная дорога вплоть до Владивостока все время находилась под контролем Белых Армий.

Но что ни делается, все к лучшему!

И вот почти ровно через десять месяцев после того, как Симбирск уже был оставлен белыми, в Царицыне знамена были переданы Командующему Кавказской Армией генералу Врангелю, и г-жа Е. В. Овтрахт за свой подвиг была награждена Георгиевской медалью 4-й степени.

Когда же армия генерала Врангеля покинула пределы России, знамена были перевезены в Сербию и переданы в г. Сараево Кадетскому Корпусу, о чём, живя в Шанхае, я прочел в журнале "Часовой" и сильно недоумевал, читая о каких-то двух таинственных кадетах, якобы спасших эти знамена.

Когда же, после десятилетнего скитания по берегам Дальнего Востока, мне удалось получить визу в США и, наконец, добраться сюда, то от своих однокашников по Корпусу я, к великой моей радости, узнал, что знамена, с которыми у меня связано столько гордых и приятных воспоминаний моей кадетской юности, целы и находятся в настоящее время здесь в Америке, в г. Нью-Йорке.

Н. Н. Галеевский

XXX выпуск

(Окончание)

В XXX выпусксе появилось много знаков: Чернцовского отряда, за Корниловский и Степной походы, георгиевских крестов и медалей. Человек десять было произведено за боевые отличия сначала в прапорщики и позже в хорунжие или подпоручики. Новоиспеченные офицеры носили в корпусе кадетские погоны, но, уходя в отпуск, одевали офицерскую форму. Такое парадоксальное положение, паверно, было стеснительно для начальства. Однако, это нисколько не помешало моему однокласснику — Володе Полякову прочитать на своей письменной работе по математике отметку преподавателя Ивана Николаевича Лимарева, убитого большевиками в Новочеркасске в 20-х годах: "Единица прапорщику".

Несмотря на все пережитое, юность брала свое, а с ней возвращались и кадетские привычки. Нелегко было и раньше бороться с ними преподавателям и воспитателям, после же партизанских отрядов и походов справиться с ними им стало еще труднее. Нужно отдать справедливость, кадеты других корпусов держались, по крайней мере вначале, в стороне от

общих проделок. Наша же "буйная вольница" все время придумывала что-то новое. Так, однажды, по отделению прошла таинственная инструкция начать ловлю мух. В свободное время закипела работа вдоль подоконников и пойманные мухи были запрятаны в спичечные коробки в глубине парт. Потом прошел приказ выдергивать из парусиновых рубах ниточки и подвязывать их к лапкам заключенных мух. Операция эта была весьма деликатная и очень занятная: подготовлялась большая авиационная атака на противника. Мухи с подвязанными ниточками были возвращены в "арсеналы", то есть в спичечные коробки, а потом весь наличный авиационный состав был разбит на эскадроны и парки.

Наконец, было собрано общее совещание с целью наметить "противника". Таковым, после обмена мнений, был избран Федор Вениаминович Мюлендорф, преподаватель немецкого языка. Мы его очень любили за добродушие, обожание немецких классических поэтов и смешной акцент. Полный, маленький роста, с большой лысиной и светлыми павыкат глазами, он

был очень вспыльчив и именно поэтому-то мы и остановились на нем. Он умер в Новочеркасске от голода в 20-х годах.

Когда Мюлендорф вошел в класс и мы замерли “смирно”, ожидая конца рапорта дежурного, шепотом побежал на задние парты сигнал: “1-й и 2-й эскадроны истребителей... Контакт”.

Из-под приподнятых крышек парт начали появляться выпущенные из коробочек муhi с белыми ниточками на лапках. Сначала медленно, потом все быстрее они брали разгон по наклонному пюпитру и потом, “ура”... муhi поднимались вверх...

“Второй... третий парки... Контакт!” — и из соседних парт появлялись новые эскадроны.

Федор Вениаминович еще не успел разложить перед собой папки и книги, как перед его глазами прошла белая вертикальная черточка. Мюлендорф оцепенел, видимо, ничего не понимая. Надо было видеть выражение его лица в этот момент! Потом перед ним прошла другая белая черточка, третья, четвертая... Мюлендорф сидел, как зачарованный, и медленно баగровел... Внезапн он замер, взмахнул рукой и сташил со своей лысины, за веревочку, снизившуюся туда муhi. Федор Вениаминович внимательно рассмотрел техническое оборудование этого бомбовоза и потом, трясущейся рукою, записал в штрафной журнал весь класс. Попутно он поставил в нем большую клякxу и, ставя последнюю точку, сломал перо...

Конечно, как-только о нашей авиационной атаке Мюлендорфа стало известно начальству, началось доzапление. Как всегда, сюи ничего не дало, виновных мы не выдали и мужественно отбыли наложенное наказание.

Еще позже, выпуск был взволнован важным событием: один из кадет, вернувшись из отпуска, передал нам от имени “шпаков” вызов на общий бой. Приводя вечером гимназистку, за которой он ухаживал, он был окружен группой гимназистов Платовской гимназии. Среди них оказался безнадежно-влюбленный в эту-же девицу неудачный и ревнивый ее поклонник. Гимназисты стали задирать кадета, видимо, намереваясь его побить. Но кадет был не из робких, да еще при шашке. Поэтому возбужденные гимназистов выразилось только в ругани, угрозах и, в конце концов, в предложении помериться силами, в укромном месте, всеми способными элементами Донского корпуса и их противников. Кадет торжественно пообещал представителям “шпаков” передать их вызов своим собратьям и дать ответ, по указанному адресу.

Дело в том, что в Новочеркасске еще с давних времен существовала вражда между учениками Платовской мужской гимназии, “шпаками”, как называли их кадеты, и нами. Кадеты дружили с реалистами, защищая, порой друг-друга, и были в приятельских отношениях с Петровской гимназией. В последнее время к нашим врагам примкнула еще группа семинаристов, носивших у кадет кличку “свечкодуев”. В основе вражды лежала затаенная к нам за-

висть гимназистов. Им никогда не присыпали общих приглашений на торжественные вечера и балы; от них уходили предметы их обожания — гимназистки, отдававшие предпочтение подтянутым и всегда веселым кадетам, хорошо носившим свою форму и четко отдававшим честь направо и налево в военном Новочеркасске. И сколько, таким образом, было разбито сердце “шпаков” на балах, концертах, на прогулках по Московской и в Александровском саду!

Период совместных испытаний в боях кончился и теперь “шпакам”, видимо, хотелось свести по-настоящему счеты за прошлое с особенно ненавистными им кадетами.

“Атаман” выпускса, Федя Чирков, собрал заседание. На нем вызов “шпаков” был принят единогласно. “Штаб выпускса” взялся за разработку плана общего боя, другие занялись фазой сближения с противником и прочими деталями. Когда все было готово, “шпакам” был послан ответ: им назначалась встреча и обмен любезностями на Детской площадке Александровского сада, в определенный день и час. Место это было выбрано чрезвычайно удачно: Детская площадка, со всеми ее выходами и входами, была известна нам до мельчайших подробностей по концертам, бывавшим на ней в летнее время, и, как каток, втечении всей зимы.

Боевые элементы выпускса, отстранив хилых и очень усердных, в назначенное время исчезли из корпуса. Поодиночке, чтобы не привлечь внимание, мы сосредоточивались на Детской площадке к заходу солнца и занимали там указанные по плану сражения места. Когда смерклось, разведчики донесли, что “шпаки” ждут нас толпой паврху. Выпуск начал обходное движение с обоих флангов, резервы укрепились в засале, все входы и выходы были перехвачены заставами.

По сигналу, ударная группа “силачей” пошла на верх и быстро завязала там кулачный бой. Враги наши, видя перед собой немногочисленный ряд кадет, решили быстро справиться с ним и насыпли всей массой. Последние, отбиваясь, перешли в отступление, затягивая “шпаков” в “платовский вентерь”, т. е. к подножью площадки, где в густых кустах были сосредоточены главные силы. Когда сражавшиеся достигли нижних аллей, оттуда выскошили со всех сторон наши свежие подкрепления. Бой был короткий и горячий. “Шпаки” быстро дрогнули, рассыпались и обратились в бегство, ища возможности выйти. Но там их перехватывали наши заставы и на прощанье всыпали дополнительную порцию горячих. Вскоре, после сражения было очищено от врагов.

В городе быстро узнали, что на Детской площадке творится что-то необыкновенное. Наш часовой у главного входа сумел перехватить известие, что на Детскую площадку уже мчится плац-адъютант из Комендантского управления и с ним офицер нашего корпуса. Боевой отряд кадет моментально рассыпался и, разными путями, понеся обратно в корпус. Плац-адъютант и наш офицер нашли Детскую площадку

пустой. В сотне-же серьезные, спокойные лица, ни одной заметной ссадины, все на местах: поди, отыщи виновных. И скандала никакого. Так это и прошло.

К сожалению, в общей перепалке оказались и кевинные жертвы. Одной из таких стал симпатичный и очень любивший кадет молодой парикмахер. у которого мы частенько стриглись “под польку”. В день битвы, он случайно попал со своим флиртом на Детскую площадку. Там, в темноте, его приняли за “шпака”, сильно помяли и потом, как некоторых других врагов, раскачали и перебросили через решетку сада на улицу. Милый парикмахер очень горевал о прошедшем, мы-же долго утешали его и извинялись, стараясь загладить роковую ошибку.

Так мы подошли к концу учебного года. В один прекрасный день Борис Васильевич Суровецкий объявил, что по постановлению Педагогического Комитета, экзамены отменены и поздравил нас всех с переходом в последний VII класс.

Кадеты разъехались на летние каникулы. Белое движение крепло и Юг России очищался от красных. Новочеркасск сильно оживился. Появилась вера в светлое будущее, а с ней и радость жизни.

II

Осенью 1918 года, когда мы съехались снова. Корпус оказался переполненным из-за прибывших к нам отовсюду кадет разных корпусов. Вместо нормального штата человек 50-ти в выпусксе, в обоих отделениях моего VII класса теперь насчитывалось больше 100. Младшие классы тоже были расширены до пределов возможности. Всюду было проведено уплотнение пространства и, чтобы облегчить создавшуюся обстановку, кадетам, у которых были родители в городе, было предложено стать “приходящими”.

Список моего отделения, конечно, сильно пополнился. Как выяснилось однажды из общей переклички, в старших двух классах оказались представители всех 30 российских кадетских корпусов.

Пажеский был представлен графом Колей Ребиндером; Первый кадетский — Орловым, Тарасевичем, Косяковым; 2-й — Кострюковым; 3-й Московский Алтуховым; Орловский — Сомовым и Бересневичем; Одесский — Романцовым, Яковлевым; Тифлисский — Липсом, Петровым; Воронежский — Донским и т. д. Это была большая, веселая и однородная по духу семья. Никого ничему не надо было учить: все были своими, так как в нас во всех было заложено одно и то-же воинское воспитание.

Новый директор, генерал-лейтенант Чеботарев, бывший офицер 6-й Л. Гв. Донской Казачьей *Ею Величества* батареи, окончивший Михайловскую Артиллерийскую Академию, очень умел взял корпус в свои мягкие, но уверенные руки.

Помимо проявляемого им большого интереса к нашему учению, к строевой и гимнастической подготовке, он всячески старался оживить повседневную жизнь кадет, часто устраивая концерты и балы. Сам талантливый поэт, генерал Чеботарев принимал близ-

кое участие в издании корпусного журнала “Донец” и читал на вечерах своих стихи. Мы сразу оценили его и даже не старались придумать ему кличку.

6 декабря, в день корпусного праздника, в Сборном зале после церкви был парад. Перед Атаманом проходили церемониальным маршем бывшие и настоящие кадеты. В шеренге первого выпуска, среди других офицеров, шел Африкан Петрович Богаевский; в одной из следующих старался попасть в ногу путавшийся в рясе и разучившийся уже ходить по-волному батюшка. Много дальше, звяня шпорами, отчетливо заходил плечом строй юнкеров Новочеркасского училища и, наконец, мы все остальные.

В сотне неожиданно появился Атаман Петр Николаевич Краснов и объявил о том, что производит полковника Леонтьева в генерал-майоры. Мы грянули “ура!” и бросились к нашему командиру. Но смущенный и растроганный Леонтьев угрожающе затряс бородой и руками: “Не смей! Тут есть и постарше!” Не тут-то было: сразу сзади сильно нажали несколько десятков крепких рук, подхватили его и “деревня” стала подлетать под самый потолок... Леонтьев продолжал с возмущением чт-то кричать и жестикулировать в воздухе. Петр Николаевич Краснов смотрел на сцену с благодушной улыбкой.

Однажды вечером в класс на занятия пришел Суровецкий и, о удивление, — в новых штаб-офицерских погонах. Это было приятной для нас неожиданностью, но мы были сильно смущены тем, что не успели поздравить его с производством. Во время короткой перемены класс быстро говорился и, когда на втором часу вечерних занятий Борис Васильевич сел на свое место, минут пять спустя мы без команды отчетливо вскочили и замерли смирно. Суровецкий в недоумении посмотрел даже на дверь, предполагая, что пришел кто-нибудь из высшего начальства. Но, старший отделения Митяй Косоротов, в коротком слове объяснил, что кадеты просят принять их общее поздравление. Суровецкий был тронут и расцеловал Митяя.

В праздничные дни выпускному классу разрешалось после вечернего чая переходить в Сборный зал. Там шли нескончаемые разговоры и воспоминания о жизни разных корпусов, о педагогах боях и походах. Кто-нибудь садился за рояль, смыкался круг и пелись хоровые песни, кончавшиеся общей “звериадой”. Порой играл балалачный оркестр или просто гудели гребешки и мы лихо танцевали друг с другом. Устраивались и настоящие концерты. На них читались стихи, Орловец Бересневич рассказывал солдатские истории, Олессит Вилли Романцов смешил до боли в животе еврейскими анекдотами и т. д. Ставились иногда целые пьесы, подчас весьма веселого характера. Одна из таких “драм” читалась на 14 разных языках, благодаря наличию представителей корпусов всей России, знающих самые разнообразные провинциальные наречия и европейские языки. Это было очень смешно и мы веселились от души.

В один из таких вечеров выпуск устроил свой закрытый парад. К нему мы подготовлялись довольно долго, устраивая себе кивера, доломаны, расшитые шнурами от оконных штор, собирая в городе погоны, оружие и шпоры.

Никто из воспитателей теперь нас больше не тревожил, поэтому, в назначенный день, мы одели пестрые разнообразные формы и с хором "трубачей", то-есть балалаечников, выстроились всем выпуском в зале.

Раздалась команда. "Генерал" выпуска, Гриша Иванович, в генеральском артиллерийском мундире своего отца, с саблей, важной походкой вошел в зал. Он поздоровался с парадом и, медленно обойдя фронт, обратился к выпускну со словом. Но, вдруг, к нашему ужасу, отворилась боковая дверь и на пороге ее показался командир сотни генерал Леонтьев, возвращавшийся случайно из лазарета. Он опешил, замедлил шаги и издали с изумлением разглядывал шеренги странных офицеров... Гриша Иванович, однако, не растерялся и сразу подошел к "деревне" с рапортом. Генерал Леонтьев довольно серьезно выслушал его и прошел к середине строя. От Ивановича отделился его адъютант Володя Поляков, в белых "лосинах", иначе говоря кальсонах и в экзотическом доломане, и, прыгая козлом, на воображаемой кровной лошади, передал командующему парадом приказание проходить церемониальным маршем. Леонтьев не удержался, улыбнулся и даже спросил: "А это что-же, гусар что-ли?"

— К церемониальному маршу! Повзводно... на одну взводную дистанцию! — раздалась команда.

"Хор трубачей" грянул марш и выпуск стал проходить перед начальством. Гриша Иванович, держа руку под козырек, почтительно склонялся к "деревне", представляя ему части... Легкая кавалерия шла курц-галопом.

Но, вместо ожидаемой нами похвалы за старание, мы рассыпали слова Леонтьева: "Дураки... жеребцы", и деревня смеялся себе в бороду.

После рождественских каникул, стали серьезно нажимать на занятия. Дело в том, что выпускные экзамены были объявлены обязательными по всем предметам. С другой стороны, в то время, как кадеты не-казаки могли выбирать между нашим юнкерским училищем, где было открыто четыре отдела: пластунский, конный, артиллерийский и инженерный, Кубанским, Киевским пехотным и Сергиевским артиллерийским, мы, коренные донские кадеты, были обязаны поступать только в наше Новочеркасское. Число вакансий на его артиллерийский, инженерный и даже конный отделы было довольно ограничено, предвиделась конкуренция со стороны и поэтому стало необходимым срочно выравнивать и поднимать свои отметки. Развлечения были заброшены. Мы насили на книги. Повседневная жизнь стала серьезной, сосредоточенной и, благодаря этому, даже посыпались прибавки

баллов за поведение. Борис Васильевич Суровецкий нередко теперь приходил из города в вечерние часы, чтобы помочь отстающим. Лучшие математики собирали вокруг себя слабых учеников, разбирали с ними задачи и натаскивали их по самым трудным вопросам. Кончить Корпус должны были все и на этом со средоточилась воля выпуска.

И вот наступили экзамены. Пусть останется тайной, как именно мы подготовились к ним. Но, верно, для ныне здравствующих наших бывших воспитателей и преподавателей будет необыкновенным сюрпризом узнать, что, хотя экзаменационные темы и хранились под ключем в кабинете инспектора классов, тем не менее главные из них стали нам известными в самый последний момент.

Каюсь в этом от лица всего XXX выпуска и даю слово, что совершилось это без всякого участия или попустительства кого-либо из воспитателей, преподавателей или служителей корпуса.

За темы по математике сразу засело несколько самых лучших учеников. Быстро решив задачи, они спрашивали каждого: "Сколько у тебя по этому предмету?" И, если у кадета выходило шесть, ему давали решение на восемь баллов; если у него было восемь, то на десять и т. д. Эта умеренность была совершенно необходима, дабы у начальства не появилось подозрения в самостоятельности экзаменующихся. В общем-же все оказались довольны, клянчивающим-же больше сообща порекомендовали уменьшить претензии.

Гораздо хуже вышло с темами по русскому языку: тут уж корпорация помочь ничем не могла, но все-же открылась возможность проштудировать заранее памеченные вопросы. В конце-концов после математики остальное было маловажно.

Когда на экзамене были объявлены темы, лица кадет угнетали сосредоточенностью. Самые сильные математики, как и следовало ожидать, сдавали работы первыми. Более слабые относили их с приличным опозданием, сделав тревожное или немножко разочарованное лицо. Плохим же ученикам было приказано дотянуть до того момента, когда экзаменаторы начали сами почти силой отбирать решения задач у оставшихся. Улыбки не было ни одной. Но зато, вернувшись в сотню, экзаменовавшиеся особенно резво писали в курилку, хлопали по пялчу и щекотали друг друга. Царила полная радость, но причина ее должна была остаться секретом решительно для всех, кроме кадет XXX выпуска.

Преподавательский и воспитательский состав, видимо, был доволен ходом экзаменов. Правда, кадеты подметили, что на некоторых устных экзаменах Суровецкий подкладывал знакомые билеты кое-кому из наиболее слабых учеников, по страдные дни, затянувшиеся на добрый месяц, все же подходили к концу. Самое страшное — анализ бесконечно — малых, аналитическая геометрия, тригонометрия, русский — были сданы. Оставшиеся экзамены не пугали уже никого: на них, в крайнем случае, даже плохим учени-

кам, можно было теперь и провалиться с полным чувством собственного достоинства.

Явившись как-то, как "приходящий", из дома на один из экзаменов, я узнал, что накануне в корпусе произошло необычайное событие.

Воспользовавшись дежурством скромного и неискушенного в кадетских проделках есаула Шерстюкова, XXX выпуск в темную безлунную ночь, целиком, в сапогах и фуражках, умудрился выскохнуть из постели, спуститься вниз и, через оставленное открытым окно, выбраться на плац перед корпусом. Один из кадет прихватил с собой трубу урядника. Два-же другие неизвестными средствами и путями проникли на колокольню корпусной церкви и подняли там трезвон во все колокола. Услышав его, патруль домовой охраны из местных жителей решил, что это пабат и что в городе где-то замечен пожар или какая-то другая тревога. Трезвон кадетской церкви был подхвачен соседними церквами и так пошло по всему Новочеркаску. А в это время строй голых кадет слушал с энтузиазмом несколько пламенных прощальных речей, обращенных к XXX выпуск. Один из поэтов, взобравшись на тумбу, вдохновенно читал свои стихи, потом другой кадет, на трубе урядника, начал играть боевые сигналы. По ним повелось учение, закончившееся наступлением и смелой общей атакой метеорологической будки.

Выпуск благополучно вернулся прежним путем в спальню. Набат-же еще долго продолжал звучать в городе, где, видимо, никто ничего не понимал и обычатель беспомощно метался с пожарной кишкой или винтовкой в руках.

Начинать кампанию новых дознаний ввиду кончающихся экзаменов было невозможно. Конечно, на мое лицо "зачинщика" лишний раз было обращено особое внимание, но тут-то, при всем желании, меня подцепить никак было нельзя, так-как в эту почту я, действительно, спал дома, да еще на собственной кровати.

Воспитатели ограничились каменными выражениями лиц, неприятными намеками и фразами: гроза бурлила где-то на неизвестной глубине.

И вот наступил день: последний экзамен был сдан. Заниматься стало нечем. Кадеты готовились к разъезду и проводили время в классах и в Сборном зале в долгих разговорах.

Потом Борис Васильевич Суровецкий сделал нам полный отчет о результатах экзаменов. В порядке старшинства по окончанию корпуса был прочитан список выпускка и отметки, следние в аттестат. Поздравив нас с окончанием Корпуса, Суровецкий перешел ко второй части своего сообщения: он объявил,

что, по приказанию свыше, весь выпуск, с вахмистром во главе, вместо каникул, прикомандированывается на один месяц к юнкерскому училищу, отывающему летний сбор в лагере на Пересияновке. Борис Васильевич пообещал нам, что там нас хорошо "взьмут в шоры" и с улыбкой просил этому нисколько не удивляться.

Одиночных наказаний за недавний ночной выход никто не получил. Постановление начальства, хотя оно многих и не устраивало, мы приняли бодро и тоже с улыбкой.

Наконец, был выпускной бал и после этого мы уехали отбывать дисциплинарный стаж при юнкерском училище.

Осенью, для окончивших, во Фронтовом зале, был устроен прощальный обед с воспитателями и преподавателями. Мы сидели вразбивку с ними и непринужденно разговаривали и с Федором Павловичем Ратмирским, и с милейшим "лаптем" Александром Ивановичем Абрамцевым, и с Федором Вениаминовичем Мюлендорфом, с нашим общим любимцем Иваном Николаевичем Лимаревым, с "деревней" и другими. Мы сами теперь объясняли им детали наиболее нашумевших наших проделок. Воспитатели и преподаватели казались совсем иными: не строгими, имевшими прага на все наши радости и горести, а добрыми, досягаемыми, отечески-приветливыми, тоже по своему переживающими грусть прощания. Они сами заботливо угождали нас едой, подливали в стаканы вина.

Произносились тосты, от которых наворачивались слезы, и шире расправлялась наша грудь: Мы — XXX выпуск!

А в голове плясно мелькало: "Спасибо вам за все, дорогие наши цербры и экзекуторы, семилетние терпеливые жертвы нашей юности, строгостью, внимательностью и преданностью своему делу сумевшие обуздать и довести до конца нашу трудную и бурлящую семью. Прощай, родной, до смерти запечатленный в душе Донской Императора Александра III, мой Кадетский Корпус".

После прощания, поступившие в Новочеркасское военное училище кадеты, строем, под командой своих офицеров, покинули навсегда корпусные стены. Это была последняя с нами служба Бориса Васильевича Суровецкого.

В училище нас приняли под свое покровительство бывшие донские кадеты — Миша Данилов, вахмистр 1-ой конной сотни, и Володя Поляков, вахмистр 2-ой пешей сотни.

С этим перевернулась последняя страница нашей юности и началась другая жизнь.

Иван Сагацкий

КАДЕТ

Что алей — окольш на фуражке,
Или щеки в ясный день морозный?
Что яснее — яркий блик на пряжке
Или взгляд отважный и серьезный?...

Уши — будто в пламени от стужи,
Но законы и в мороз — законы, —
На груди скрещен башлык верблюжий,
Проколзнув под скромные погоны.

Заглянул в зеркальную витрину:
Вид — гвардейский, вид — отменно-бравый!
Все в порядке должном, все по чину, —
Не напрасно пишутся уставы!..

Вот, навстречу — три драгуна рядом, —
— Офицеры, а идут не в ногу!.. —
Козырнул, по очень строгим взглядом
Приводил их... Даме дал дорогу...

Бросил грозный взгляд на гимназиста, —
Чтоб не смел смотреть за панибратом!..
Козырнул отчетливо и чисто,
Повстречав с “Георгием” солдата...

Впереди краснеют отвороты, —
— Генерал!.. И старенький, бедняга!..
Все-равно, — готовься к повороту, —
Десять, восемь, шесть, четыре шага, —

Повернулся, щелкнул каблуками,
Вскинул руку, вскинул подбородок,
Генеральский профиль ест глазами, —
Знай, мол, наши! И — не первородок!

Мне — двенадцать! Третий год в погонах!..
Третий год, а он уже мечтает
О блестящей форме, пирорных звонах
И себя корнетом представляет.

Да-с, корнет! А, впрочем, — осторожно!
Проглядишь кого — и попадешься, —
На бурбона напротыся можно,
И тогда досад не оберешься!

А доложишь в Корпусе об этом, —
Назовут позором и скандалом...
Хорошо, конечно, быть кадетом,
Но... гораздо лучше — генералом!..

В. Сумбатов

Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах

22-й армейский корпус генерала фон-дер-Бринкена, состоявший из 16 стрелковых Финляндских полков (32 батальона), в мирное время квартировал в Финляндии и, с началом войны, получил при мобилизации пополнение преимущественно из рабочих Петроградского района. К этому запасу

командиры полков сначала отнеслись недоверчиво, сомневаясь в его политической надежности, но, на театре войны, они оказались прекрасным элементом, и доверие к ним быстро исчезло. Корпус вошел в состав 6-й армии и был оставлен в Финляндии, на случай возможного немецкого десанта в эту область, с целью создать угрозу Русской столице Петрограду.

Однако, пребывание этого корпуса здесь оказалось недолгим. Катастрофа 2-й армии заставила Верховное Командование перебросить корпус в район Августово-Сувалки на выручку потрепанных частей

этой армии. Люди были охвачены боевым задором и ехали на фронт с песнями и музыкой. По дороге уже попадались навстречу поезда с ранеными, от которых узнавали о немецких “чемоданах”, о сильной немецкой артиллерией, но также и о взятии на Южном фронте Львова и Галича, так что задор наш не понизился.

4-я Финляндская стрелковая бригада, к которой я имел честь принадлежать и которой командовал генерал-майор Селивачев, оказавшийся очень способным и дальновидным начальником, высадилась 26-27 августа в Августове и 28 августа ночным маршем двинулась по шоссе на местечко Райгород, а потом и дальше, на Граево. Здесь мы узнали, что 2-я армия понесла полное поражение. Это известие тяжело отразилось на настроении стрелков, но, к счастью, у Русского человека было два слова: “ничего” и “авось”, которые его спасали часто от излишней паники и потери веры в свои силы.

В течение недели, полки корпуса, в беспрерыв-

ных маневренных движениях, с краткими стычками с неприятелем, изматывались, уставали и жаждали настоящего боя. Стрелки обращались к офицерам за разъяснениями, почему мы точно боимся немцев и бежим от них. Но никакой ориентации в обстановке не давалось, чувствовался какой-то хаос и стрелкам приходилось объяснять это тем, что, выручая попавшую в беду 2-ю армию, нам приходится то здесь, то там схватываться с немцами для того, чтобы привлечь немцев на себя и оторвать их от преследования частей, потерпевших неудачу.

“А почему неудача?”

Трудно было ответить — почему. Одни только слухи да предположения, а, если посмотреть на карту, можно только пока догадываться: вошли в Пруссию, залезли в Мазурские озера и леса, дорог мало, немцы заманили русских в глубину, потом атаковали с фронта, с флангов, может быть, с тыла, — вот и попались... На войне, ведь, бывают не только одни удачи, бывают и неудачи... Унывать от этого не приходится.

В общем, за неделю с 27 августа по 3 сентября полки корпуса, со своими боевыми танцами и шассекруазе вдоль русско-германской границы, сделали более 300 верст и начали медленно отходить в сторону реки Немана.

4-я Финляндская бригада, после арьергардного боя 3-го сентября, отошла к Липску. Штаб корпуса расположился в д. Рыгаловка. Весь корпус отдыхал и приводил себя в порядок на линии Сопоцкин-Штабин.

Тем временем, на р. Бобр (приток Нарева), шло сосредоточение и формирование 10-й армии под начальством генерала Флуга. Здесь собирались и разворачивались, кроме 22-го корпуса, 1-й Туркестанский, 2-й Кавказский и 3-й Сибирский корпуса.

Когда это сосредоточение закончилось, генерал Флуг, по собственной инициативе, перешел 15-го сентября в наступление, с целью ударить по сообщениям противника, отрезать его от тыла и прижать к р. Неману, но как раз в это же время перешли в наступление и немцы, имея в виду перейти Неман, для чего уже начали, под прикрытием артиллерии, наводить мост у г. Друскеники.

По диспозиции 22-го корпуса, первая его бригада должна была следовать на Коницево и Сейны (штаб корпуса следовал за ней), 4-я Финляндская — левее на Калейти и Гаврихруду, 3-я еще левее, в северо-западном направлении, на Сувалки, и, наконец, 2-я наступала с юга от Августово тоже на Сувалки, в посёлке 3-го Сибирского корпуса.

Дальше я буду говорить только то, что глаза мои видели, что лично переживал и что слышал от соседей слева, надо только при этом сказать, что во время арьергардного боя 4-й бригады 3-го сентября у Августово был убит начальник связи при штабе бригады поручик Святогор, и я 6-го сентября был назначен от 1-го полка для временной его замены, поэтому, находясь при генерале Селивачеве, во все время этого боя, я видел далеко за пределы моего полка и

не ограничивался пределами 4-й бригады, но и входил в поле действий 3-й бригады (влево). Некоторые же эпизоды слышал лично от офицеров других бригад.

Бой, разыгравшийся в Августовских лесах, замечателен тем, что он весь шел в каких-то, как будто, отдельных эпизодах, которые можно связать только при помощи и наличия дневников полков и частей, участвовавших в этом бою, кои, если и существуют, то только в архивах советского правительства, если не погибли в огне революции.

Ночь на 19 сентября, 4-я бригада провела в лесистом районе деревни Гибы и утром, около 7 ч. 30 м. выступила одной колонной в направлении на д. Гаврихруду. В авангарде шел 14-й полк, который, после часа своего марша, пройдя по дороге большую поляну и войдя снова в лес, столкнулся со следующим ему навстречу по той же дороге из Гаврихруды, противником.

Сначала редкие ружейные выстрелы походного охранения, быстро участвовавшиеся, потом заговорили пулеметы, и скоро лес огласился сильной ружейной стрельбой.

Начальник бригады генерал Селивачев, идя во главе главных своих сил, которые тоже уже успели войти в лес, получил скоро от полковника Иванова донесение, в котором сообщалось, что 14-й полк патолкнулся на большие силы немцев, что в своем стремлении сбить его с дороги он развернул уже полтора батальона, по противнику сам его атакует и обходит его левый фланг.

Недалеко от его правого фланга была опушка леса, тянувшаяся по довольно обрывистому берегу оврага. За этим обрывом, дальше вправо, простиралась довольно обширная, слегка волнистая, поляна, совершенно свободная от чьих-бы то ни были войск в течение всего боя. Но полурота стрелков 16-го полка, который был предназначен в резерв бригады, все-же потом была выслана начальником бригады на другую сторону обрыва для охраны этого фланга.

Вследствие донесения полковника Иванова, генерал Селивачев выслал немедленно из главных сил 15-й полк вперед с приказом развернуться влево от 14-го полка и атаковать обходящих нас немцев. 15-й полк, быстро выйдя на указанный ему участок, решительно потеснил немцев назад, но, выйдя на линию 14-го полка, оказался на опушке лесной поляны, через которую продвинуться не мог, так как немцы, имея преимущество в пулеметах, его атаку остановили. Шел, можно сказать, классический встречный бой.

Артиллерия с обоих сторон молчала, вследствие полной невозможности наблюдения за ведением ее огня и отсутствия для нее позиций, но лес сугубо рокотал ружейным огнем, с деревьев летели скоченные пурпурными ветви и листья, а пули, пронизывая стволы деревьев и, выпадая из них, издавали звуки второго выстрела.

Борьба шла неслыханно упорно и в 14-м, и в 15-м

полках временами слышались крики "ура", но никто не сдавал своих позиций.

Однако командир 15-го полка прислал довольно тревожное сообщение об обходе его левого фланга, а парировать обход было нечем, полковой резерв был израсходован. Генерал Селивачев бросает из колонны 13-й полк полковника Ржевусского, с целью ликвидировать обход левого фланга и охватить в свою очередь немцев. Сотнику Шапкину, командиру отдельной казачьей сотни, бывшей при штабе бригады в распоряжении генерала Селивачева, приказано выслать усиленную разведку влево и найти правый фланг 3-й Финляндской бригады, ибо отсутствие с ней связи начало очень беспокоить Селивачева, хотя с той стороны и слышались весьма отдаленные крики "ура". 16-й полк оставался в резерве бригады.

Особый настойчивый напор немцев продолжался на 14-й полк, лежавший седлом на дороге из д. Гаврихуда. Он уже начал сдавать и появились отдельные уходящие из боя люди этого полка.

Тому-же сотнику Шапкину Селивачев приказал выставить в тылу бригады цепь из казаков для остановки и возвращения обратно отходивших. 14-й полк понес большие потери, особенно среди офицеров. Люди его стали изнемогать и терять устойчивость.

Мимо штаба бригады проходит много раненых. Селивачев стал нервничать и высказывать окружению своему незаслуженные упреки по адресу полковника Иванова, но один случай его успокоил: он остановил проходившего мимо него раненого в руку унтер-офицера и спрашивает: "Ну, как, братец, держатся стрелки?" Унтер-офицер, возбужденный боем, ответил: "Ваше превосходительство, много народу побито, скоро некому будет держаться, нужно поддержку, немец страсть как напирает". У него, на раненой руке, рукав был отрезан во время перевязки, очевидно, ротным фельдшером, а когда он повернулся, чтобы уходить, Селивачев, увидев, что на спине его рубашка прорвана и окровавлена, понял, что эту вторую рану в грудь навылет унтер-офицер сгоряча не чувствует, и приказал Шапкину назначить казака для сопровождения его до дивизионного лазарета. Для помощи же 14-му полку выслал из резерва батальон, который должен был подкрепить пошатнувшееся положение 14-го полка, влизвшись в его расположение.

Было уже около 2-х часов дня. Бой шел не прерываясь, но ни та, ни другая сторона не сдавала.

В это время от командира корпуса была получена полевая записка приблизительно такого содержания: "На фронте 2-й бригады захвачен немецкий автомобиль с офицером генерального штаба и с очень важными документами, из которых видно, что на фронте вашей бригады немцы бросают свой последний резерв с целью прорвать фронт. От вас зависит успех боя. Держитесь во что бы то ни стало".

Генерал Селивачев, уже начавший сомневаться в успехе, произнес: "Ни за что не отступлю. Будем драться до конца". Вслед за этим, было получено из-

вестие, что на фронте 3-й бригады немецкий фронт прорван и немцы в замешательстве.

Селивачев вызвал к себе из резерва коменданта 16-го полка полковника генерального Штаба Иуона с одним батальоном, последним резервом бригады, и приказал ему атаковать немцев на стыке 15 и 14-го полков с целью прорвать немецкий фронт. "Я вам верю", добавил он полковнику Иуону. Иуон быстро объяснил батальону задачу, приказал развернуть знамя и сам, став во главе батальона, решительно повел его в атаку. Движение с криком "ура" настолько было стремительно, что оно увлекло за собой увидевших Русское знамя стрелков 15-го и 14-го полков. Немцы было поднялись, но, увидев нависшие штыки Русских, дрогнули, штыкового боя не приняли и быстро начали одни уходить, другие сдаваться. Фронт был прорван. Во всех частях крики "ура". Немцы спешно уходят.

В 4 часа дер. Гаврихуда была занята, где мы нашли оставленных немцами, вследствие последнего отхода, раненых, наполнивших собой все сараи и много хат.

На поле боя, при уборке и погребении убитых немцев, которое имело место 20-го сентября, как и при эвакуации раненых немцев из Гаврихуды, выяснилось по погонам, личным знакам и при допросе, что они принадлежали к 18 разным полкам. Очевидно, немецкое командование сюда бросило всевозможные из разных частей резервы, с целью прорвать наш фронт.

Убитые немцы и русские были похоронены в лесу на месте боя в двух братских могилах. Число убитых, обозначенное на крестах, было почти одинаково: немцев, помнится, 294, русских — 287, но, принимая во внимание, что немцы еще сами похоронили в д. Гаврихуда вынесенных из боя убитых, потери немцев были больше наших, они были огромны. В 3-й бригаде, например, один батальон 12-го полка, шедший с пулеметной командой на Сувалки, обнаружил, неосторожно, без охранения, идущую по шоссе со стороны Сувалок большую пехотную колонну немцев. Начальник пулеметной команды, скрытно расположив пулеметы по обе стороны шоссе Августово-Сувалки и подпустив колонну на прямой выстрел косоприцельным огнем из всех 8 пулеметов, уничтожил ее в одну минуту. Впечатление от этой работы пулеметов было настолько страшное, что сам начальник команды тут же сошел с ума и связанным был отправлен в тыл. А 10-й полк той-же бригады, полковника Знаменского, следя лесом в этом-же районе еще в строю поротно, вышел на опушку леса. На линии передних рт, следовали полковник Знаменский и с ним начальник бригады со своим штабом, генерал-лейтенант Стельницкий. Выйдя на опушку поляны, они вдруг увидели на противоположной опушке в 50 шагах перед собой в таком же положении немцев. Обе стороны в первый момент как-будто растерялись. Знаменский скомандовал: "Роты в цепь", но генерал Стельницкий, георгиевский кавалер еще Турецкой войны 1877 года, закричал: "Какая тут цепь! За мной, ре-

бята, в штыки, ура!”, и весь полк массой бросился за генералом в штыковую атаку. Жуткая картина штыковой бой. На другой день здесь похоронили 500 заколотых немцев и только 16 русских стрелков.

В своей книге “Пережитое”, капитан генерального штаба тогда, Б. Н. Сергеевский рассказывает, что когда генерал Стельпицкий проходил поле этого боя, один лежавший тяжело раненый немецкий офицер подозвал его к себе и именем Бога просил его сообщить его жене, что он умер “достойно”. Генерал спросил его фамилию, адрес жены и дал слово это сделать. На другой день он действительно отправил через американское посольство в Петрограде это письмо.

В общем, противник был сломлен по всему фронту 10-й армии и отошел на запад к своей границе. Хотя Гинденбург, покидая Сувалки и сказал жителям в своих афишах: “Мы уходим, но еще вернемся”. Эта большая и первая Русская победа причинила немцам огромные потери, а Русские показали, что немцев бояться особенно не приходится, что при равных условиях их так-же можно бить, как и всякого другого противника.

В приказе по 22-му корпусу после были помещены выдержки из неоконченных или неотправленных писем, найденных на убитых немцах. В них говорилось, что Русские стреляют, как боги, что Русские показали свои “волчьи зубы”, что с Русского фронта мало надежды уйти живым, и т. д.

Прошло немного времени и мы с печальным удивлением узнали, что командовавший нашей 10-й армией генерал Флуг отрешен от должности. За что?

Почему? Что случилось? Полно недоумение. Потом узнали: “За несвоевременное проявление инициативы”.

Генерал, первый нанесший зарвавшимся немцам большое поражение, первой этой победой поднявший дух войск и почти выгнавший немцев из Русской земли, осужден его начальником генералом Жилинским (командующим Сев.-Зап. фронта), а 150 лет тому назад за подобное же удачное проявление инициативы Императрица Екатерина II не только не осудила победителя, но щедро наградила и сказала бессмертные слова: “Победителя не судят”.

Война рождает героев. Но она же их развенчивает. Генерал Жилинский, “герой” Японской войны, здесь оказался неудачным Русским “Кункатором”. Он сыграл печальную роль в гибели 2-й армии генерала Самсонова и кончил тем, что Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, в свою очередь, отрешил его в том же году от занимаемой должности за неспособность управлять войсками на широком фронте.

Начальник 14-й бригады генерал Селивачев за этот бой был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, командир 16-го полка — Георгиевским оружием, и это были первые кавалеры этого ордена в 22-м корпусе. Селивачев действительно прекрасно провел бой своей бригадой в этом сражении.

16-й полк был представлен к награждению Георгиевским знаменем. На это представление был получен ответ, что всякие награды за отличие целых частей отложены до окончания войны.

Полковник Я. Демьяненко

П у ш к а

Жаркий день второй половины мая. Все огромное Красносельское военное поле совершенно безлюдно и колеблется в голубом зареве жарких полуденных лучей солица. Дудергофское озеро — как зеркало, на нем ни рябинки, а над ним, в раскаленной дымке, величественно высится Дудергоф, мягко надвинув зеленую шапку с серым каменным венцом — Киргофа.

Весь авангардный лагерь под Красным Селом только-что пообедал и люди, и лошади отдыхают после утомительных утренних учений. В бараках Николаевского кавалерийского училища типшина, шторы в окнах на солнечной стороне спущены. И лихие кирпичи, и сугубы: звери славной Гвардейской Школы вкушают сон. Дневальный — под грибом на передней линейке — тоже клюет писсом.

Та-же картина и слева, в расположении Офицерской Кавалерийской Школы, и справа — у Михайлов или Пушкиарей, т. е. в лагере Михайловского артиллерийского училища. Картину у них разнообразят только пушки, снятые с передков и симметрично рас-

ставленные у передней линейки. Орудия направлены в сторону вражеского поля и дула их грозно уставились на Лабораторную рощу.

У Николаевцев с Михайловцами отношения неважные. Лихие юнкера Славной школы добродушно-насмешливо взирали с высоты своего корнетского величия на “мучеников науки”, “зубрил” и “отчаянных будил” — скромных и серьезных юнкеров-артиллеристов. Шуткам и остротам над ними не было конца. Артиллеристы обижались. Они так-же носили шпоры, а потому считали себя кавалеристами. Что за беда, если у одних синие рейтязы, а у других черные широкие шаровары. Дело не в этом, а в умении сидеть и управлять конем, их батареи лихо выезжают за позиции, не хуже эскадрона, идущего в атаку... “Крысы на заборе”, говорили лихие юнкера “Славной школы” и спускали в окнах барака шторы, когда батарея артиллеристов-юнкеров дефилировала по боковой линейке.

Во врем' съемок, Николаевцы изобрели забавный

способ дразнить артиллеристов: каждая группа юнкеров "Школы", стравливавшаяся на съемки, проходя мимо бараков артиллеристов, имела своего мальчишку-чухонца, вооруженного огромным пульверизатором, который, важно шествуя впереди группы, яростно пульверизировал воздух одеколоном. Делалось это, по уверению юнкеров Школы, для очищения воздуха, отравленного химическими миазмами и газами, исходящими, якобы, из лагеря артиллеристов. Называли тринитротолуол, нитроглицерин и гремучую ртуть, входящие в состав орудийных снарядов. То-же повторялось и при встрече с отдельными юнкерами в поле, на участках съемок. Артиллеристы обижались, хотя делали вид, будто стоят выше этих шуток и не снисходят до обращения на них внимания. Но отношения от этого, конечно, не улучшались, и раздражение накапливалось.

В описываемый день, все шло мирно, по заведенному порядку: после полуденного отдыха — чай, потом вечерние занятия, затем — свободный час. В этот свободный час Николаевцев, у артиллеристов происходила чистка орудий передней линейки.

Весь эскадрон вышел смотреть на это время препроявление, вставив в глаз монокли. Картина получалась удивительная... Монокли были с разноцветными стеклами и такими же лентами, и сквозь эти стекла, сотни глаз уставились на "Пушкарей", которые сконфуженно топтались около своих пушек, делая вид, что не слышат замечаний, острот и смеха, доносившихся до них из группы кавалеристов.

Но вот, от одной из групп отделилась фигура. Это — копьет, юнкер старшего курса, кн. Сергей Трубецкой, "Дед Школы". У него в глазу великолепный зеленый монокль на яркой желтой ленте. "Дед Школы", заложив руки в карманы рейтяз и слегка раскачиваясь на чуть искривленных кавалерийских ногах, подходит к группе Михайловцев, воящихся у орудийного затвора.

— Э-е, простите пожалуйста, господа, что это вы делаете такое? — говорит "дед" шиповатым тоном, растягивая слова и делая внимательно-удивленное лицо.

— Как видите, чистим орудие.

— Орудие? — удивляется "Дед". — Какое орудие?

— Сами видите, какое орудие, — сердито отвечает один из артиллеристов.

— А-а, полимаю, орудие пытки, — догадывается "Дед", распуская губы в глупую улыбку, — прекрасно.

— Не пытки, а орудие боя, пора бы это знать, — отгрызается артиллерист.

— Но па-звольте, — тянет "Дед", — орудие боя, это лихой и благородный конь, а это... это... делано запинается "Дед", — это какой-то, извините, железный клистир, — добавляет он, пожимая плечами и поворачивая обратно к своим. Громкий смех кавалеристов выводит из себя Пушкарей.

— Щелкоперы, — шипят они, — лошадиное училище!

Протрубы зорю, пропели молитву, вот и вечер. Дивный, теплый вечер белой Ингерманландской ночи — ночи сумерек, нежных теней, полуочертаний... Заря не гаснет на горизонте и от трепетного бледного сияния исходит неверный, мерцающий свет — такой томящий, призрачный, не дающий покоя усталому телу и напряженным первам. Воды озера — прозрачны, холодны и пусты, леса на берегу и по скатам прибрежных скал — туманы, массив виской Дудергофской горы угрем и темен...

Весь авангардный лагерь спит,
Лишь на вершине Дудергофа
Сова неистово кричит...

С вокзала дачного места "Дудергоф", на той стороне озера, слышна музыка, доносятся отрывки слов, песней возвращающихся с прогулки дачников. Вот прозвенел в воздухе женский смех и затих. Все ионемногу умолкает, погружается в сон. От главного лагеря, бесконечно растянувшегося в даль, в сторону Петербурга, доносятся неясные звуки, не то песни, не-то духового оркестра...

Дневальный под грибом, на передней линейке Михайловских пушек, мечтательно глядевший в даль, вдруг клюнул носом и легонько захрапел.

— Спит математика, ишь, какие траектории разводят носом! Скорей, господа, теперь самый темный час, нужно спешить, — лепечет кто-то в кустах сирени под бараком Николаевского училища... и шесть теней неслышно скользят к пушкам своих соседей. Короткая, тихая возня, и вдруг одно из тяжелых орудий медленно начинает двигаться, мягко шурша колесами по песку.

— По боковой линейке и в конюшню... — шепчет голос, — там и спрячем это убоище... дружнее, лихие драбанты! — И пушка, протащенная юнкерами, медленно скрывается в сером тумане неверной северной ночи.

Дневальный артиллерист ниже клюнул носом. Слова жалобно закричал на "Дудергофе" филин.

Утро следующего дня для "Пушкарей" было не из веселых. В самом деле, пропала пушка, пропала из-под носа дневального, как булька на воде. Скандал! Невероятный, неслыханный скандал!

У артиллеристов смятение, юнкера ходят, как в воду опущенные, и сконфуженно поглядывают в сторону передней линейки "Славной школы", где царит большое оживление.

От группы "Пушкарей" отделяются два юнкера и подходят к средней линейке эскадрона. Вид у них сконфуженный.

— Господа, — обращаются они к юнкерам школы, — не видал-ли кто-нибудь из вас например пушку, вчера вечером она еще стояла на месте вот там, а почью непонятным образом исчезла.

— Что? Пушка? Какая пушка? Что такое пуш-

ка? — послышались удивленные голоса, — какая она с виду? Это такая длинная и голуба-а-ая, — говорит томно юнкер Самохвалов, — живет на деревьях и питается макаропами, да?

— Что вы, господа, — возмущаются “Пушки”, — издеваетесь над нами, что-ли?

Но вот подходит к передней линейке Николаевцев офицер артиллерийского училища, в сопровождении юнкера-фельдфебеля.

— Смирно! — гремит команда вахмистра Школо, и все мгновенно замирают на своих местах.

— Господа, — говорит подошедший офицер, — позовите мне вашего вахмистра.

Из группы юнкеров выходит вахмистр “Славной Школы”, — Земной Бог, по терминологии юнкеров, — и, приложив руку к козырьку фуражки, отчетливо вытягивается перед офицером.

— Здравствуйте, вахмистр!

— Здравия желаю, г-н капитан!

— Послушайте, вахмистр, у нас этой ночью пропала неизвестным образом пушка, вечером еще была на месте, а утром ее там не оказалось, ни наш дневальный под грибом, никто из юнкеров не видели и не слышали, так вот, может быть, ваш дневальный что-либо слышал или видел нашу пушку.

— Дневальный, — несколько повысив голос, спокойно сказал вахмистр, — вы слышали, что спрашивает г-н капитан, так вот видели-ли это или нет?

— Никак нет, господин вахмистр, я этого не видел.

— Да что это, — перебил нетерпеливо офицер, — не “это”, а полевую трехдюймовую пушку видели вы или нет?

— Никак нет, г-н капитан, полевые одуванчики видел, а полевую пушку нет, не видел.

— Что вы мне про какие-то одуванчики рассказывете, юнкер, я спрашивал про пушку, вон их стоят целая батарея перед ваним носом, — сказал капитан, энергично ткнув пальцем в направлении батареи, стоящей перед Михайловским училищем, — а вы мне про какие-то одуванчики плетете!

— А-а! — послышались радостные голоса из толпы Николаевцев, — так вот какая пушка, как-же, как-же, такую пушку видели, как-же, видели.

— Где-же видели, господа? — спросил капитан.

— Да у нас в конюшне, — весело ответило несколько голосов, — она и сейчас там стоит...

Артиллеристы от удивления остолбенели.

Пушку из конюшни выволокли и водворили на прежнее место. Командир батареи побывал у коменданта эскадрона, результатом чего 8 юнкеров “Славной Школы” в ближайшее воскресенье в отпуск не пошли. Лагерная жизнь потекла по-старому, и, казалось, инцидент исчерпан. Но это было только затаилось перед бурей. Пушки глубоко затаили досаду и решили отомстить, результатом чего, недели через две разразился невероятный скандал, вызвавший вмешательство высшего начальства и даже самого Испектора кавалерии Вел. Кн. Николая Николаевича.

Части авангардного лагеря, чьи задние линейки выходили на берег Дудергофского озера, имели в своем распоряжении довольно большое количество лодок, для прогулки, в свободное от занятий время, по озеру. Лодки имелись и у юнкеров Николаевского училища, и у артиллеристов. Катались обыкновенно перед вечером, до вечерней зори. Любители гребного спорта рассаживались по-одному или по-два, а не то и втроем, в легкие красивые лодочки и сильными взмахами весел бороздили зеркальную гладь засыпающего озера.

Ах, это озеро! Зеленовато-прозрачное, окаймленное по берегам густым камышем, очеретом и печальными тихими ивами.

Сколько неожиданных приключений и милых встреч таили в себе зеленые прибрежные заливы и тихие заводи, с целым населением голубых, розовых, белых очеретянок из соседнего дачного места Дудергофа. Где теперь все эти Верочки, Машеньки, Танечки, где стройная красавица Ниночка Грекова и маленькая гимназистка Варенька, веселая хохотушка, носившая смешную фамилию Ватрушкина? Где эти милые русские девушки, такие простые и добрые? Никогда, никакой грязи не позволяли себе рыцарски воспитанные, юнкера по отношению к моло-дым девушки. Так доверчиво делившим с ними часы их отдыха на открытой глади озера или в укромных закоулках густого зеленого тростника. Веселый разговор, шутка, цыганский романс под гитару и, самое большое — нежный поцелуй под громкое кваканье лягушек, — вот все, что позволяли себе лихие юнкера в те давно ушедшие годы.

Итак, недели через две после описанных выше событий, в одно из воскресений пебольшая группа человек в 6 юнкеров эскадрона и 2-х “гунивов” из сотни, по независящим от них причинам проводящих воскресный день в училище, как всегда перед вечером, решили покататься на лодках. Спустившись к озеру и рассаживаясь по лодкам, услыхали далекий свисток паровоза и увидели белый дымок поезда, шедшего из Петербурга, с которым обыкновенно возвращалась вся военная молодежь из отпуска в лагерь. Лихо вынеслись три-четыре лодки юнкеров на середине гладкой поверхности озера и только что хотели рассыпаться по прибрежным камышам, как из этих камышей раздался громкий свист.

Этот молодецкий посвист, очевидно, служил сигналом, т. к. мгновенно после него из береговых зарослей, со всех сторон выскочило лодок 15 юнкеров-артиллеристов и вся эта эскадра стрелой помчалась на замершую от неожиданности маленькую флотилию Николаевцев.

В следующую затем секунду, сообразив, в чем дело, атакованная сторона налегла на весла и изо всех сил погнала к берегу. Но уходить было уже поздно. Саженях в 6-ти от берега произошло столкновение, и завязался морской бой. Вмиг две лодки Николаевцев были опрокинуты, а пассажиры их очутились в воде, к счастью, не глубокой, доходившей им по

пояс. В воздухе замелькали весла, брызги воды с шумом разлетались в стороны, обдавая сражавшихся.

На шум битвы у соседей слева (Офиц. школа) на берег вышли офицеры и громким смехом, и подбадриванием способствовали стойкости юнкеров-Николаевцев. К счастью, через озеро уже переправлялись юнкера-кавалеристы. Прибывая из отпуска, и, увидев отчаянное положение своих, они пришли к ним на помощь. Юнкера сотни (гунубы), выпрыгивая прямо из лодок в воду, пошли в нагайки.

Все перемешалось; на невероятный шум боя выбежали офицеры "Славной Школы" во главе с начальником училища ген. Де-Вит.

Генерал топал ногами и неистово кричал, приказывая юнкерам немедленно прекратить битву и вернуться в училище.

Из Михайловского училища доносились те же грозные окрики, но никто их не слышал.

Перевес явно начал склоняться на сторону кавалерии и пламя битвы само по себе стало потухать. Артиллеристы отступили по всему фронту.

Весть о происшествии быстро распространилась по всему лагерному расположению, и чуть-ли не весь авангардный лагерь высипал к берегу озера смотреть битву.

Пришло срочно доносить об этом Главному На-

чальнику Военно-Учебных заведений Вел. Кн. Константина Константиновичу.

Но кто-то уже донес в штаб Генерал-Инспектора Кавалерии Вел. Кн. Николая Николаевича, откуда, по его распоряжению, явился личный адъютант Великого Князя для производства дознания.

Дело принимало серьезный оборот и вдали встала угроза военного суда.

Но все рассеял приказ Главного Начальника Вел. Кн. Константина Константиновича, гласивший:

"Николаевское кавалерийское училище в полном составе юнкеров эскадрона и казачьей сотни, равно как всех юнкеров Михайловского Артиллерийского Училища лишаю воскресных и праздничных отпусков вперед до моего приказания.

Юнкеров Михайловского Артиллерийского училища, как зачинщиков беспорядка, лишаю пользования лодками для прогулок по озеру вперед до окончания лагерного сбора.

Юнкеров Николаевского Кавалерийского училища лишаю пользования лодками, вперед, на три отпускных дня".—

Поистине, суд скорый, справедливый и милостивый. Добавлю от себя — "мудрый".

Г. Бобриков

Как родилась песня

Почти каждая боевая солдатская песня имеет свою историю... Как мало люди придают значения военной песне... Не только в казарме, в походе и в бою, песня творит чудеса. Это, конечно, знает каждый строевой офицер. Но вот не все знают происхождение той или другой боевой песни. Приведу текст одной казачьей песни, особенно популярной среди казаков-степняков, и расскажу, как родилась эта песня.

В степи широкой под Иканом
Нас окружил кокандец злой,
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой.

Припев:

Идем, идем, друзья, на бой,
Мы смерть врагу несем с собой.

Мы шли, ряды у нас редели,
Геройски умирал казак,
Но мы сдаваться не хотели,
И, как траву, косил нас враг.

Припев:

Мы отступали, враг за нами
Толпою тысячью шел

И поле устилали телами,
И кровь струилась ручьем.

Припев:

И, спявиши голову с героя,
Злодей к седлу ее вязал,
Чтоб похвалиться после боя,
Как он с лежачим воевал.

Припев:

Но вот вдали уже блеснули
Родные русские штыки,
И все свободнее вздохнули,
Перекрестились казаки...

Припев:

Это было в 1864 году, в Туркестанском крае.

1 декабря сотня Уральских казаков, под командой есаула С. С. Серова была послана в подкрепление войскам, только недавно занятого, Туркестана. К вечеру, сотня подошла к Икану, занятому кокандцами. Путь казакам преградила орда кокандцев в 10.000 человек. Силы были слишком неравные, и, видя поддавляющие силы врага, есаул Серов решил обороныться, рассчитывая выиграть время до подхода подкрепления. Казаки залегли, построив бруствер из

мешков с припасами и уложив в середину лошадей и верблюдов.

Не успели еще казаки закончить свои приготовления к бою, как кокандцы, пользуясь полной темнотой, подползли и с диким криком и визгом атаковали казаков. Казаки метким огнем отбили атаку и нанесли кокандцам тяжелые потери. Много врагов было убито и ранено.

Ночью, кокандцы три раза атаковывали Уральцев и обстреливали их тремя пушками. Убедившись, что открытой силой не сломить стойкость казаков, кокандский хан Алимкул послал им письмо: "Куда теперь уйдешь от меня? Сдайся и прими нашу веру. Я никого не обижу". На это казаки ответили учащенной стрельбой, метко поражая врага. В то же время они продолжали укреплять свою позицию. Из убитых коней и верблюдов казаки устроили бруствер для своей защиты и окопались.

Между тем кокандцы, несмотря на тяжелые потери, продолжая попытки сломить сопротивление казаков. Прикрываясь щитами из хвороста, стали подползать, окружая казаков и обстреливая их с трех сторон... 37 казаков были убиты, много ранено, все лошади перебиты. Абсолютно не было воды и

казаков, особенно раненых, страшно мучила жажда.

К концу третьего дня оставшаяся горсть казаков решила с честью умереть и, собравшись вместе, захватив раненых, бросилась на прорыв через кокандские ряды. В это самое время, на помощь казакам подошли наши войска. Остатки храбрецов были спасены.

Из 103 казаков было убито 47 и 40 ранено. Все лошади и верблюды были перебиты.

Есаул Серов, совершивший столь выдающийся подвиг, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и произведен в следующий чин.

Все оставшиеся в живых казаки были награждены Георгиевскими крестами, а также серебряными лентами на папахи, с надписью: "За дело под Иканом 4, 5, 6 декабря 1864 года".

Надо думать, что этот подвиг доблестных Уральских казаков будет сохранен в исторической памяти Российской нации, ибо только на славных примерах великого прошлого можно воспитывать молодые поколения строителей и защитников Великой Национальной России.

Иван Горяинов

Артиллерийская школа

В Офицерскую Артиллерийскую Школу, в Царском Селе, съезжались для прохождения курса каликаны артиллерии со всей России.

Заметно было, что окраинные артиллеристы из Сибири, Туркестана, Кавказа как-то отличались от своих собратьев, европейских артиллеристов. Их особой чертой была привязанность к своему краю и самую захолустную стоянку у себя они не променяли бы на большой город Европейской России. В них замечалось (особенно это касалось сибиряков) некоторое критическое отношение к "Российским порядкам", выродившееся даже в недоверие. В частности, они не хотели верить, что их призвали исключительно для усовершенствования в артиллерийском деле, и главное опасение в них вызывало их благоприятное отношение к спиртным напиткам.

Шли даже на ухищрения. Казначей Школы обнаружил, по записям буфетчика, склонность одного почтенного сибиряка-капитана к массовому потреблению пирожных. На поверку оказалось, что, так как пирожное и рюмка водки были в одной цене, капитан вошел в соглашение с буфетчиком записывать за ним, вместо рюмки водки, пирожное.

Долгая жизнь в захолустных стоянках, превратное понятие о столичных правах были причиной такого случая.

Однажды едут верхом два сибиряка-капитана по Баболовскому парку (Царское Село) — "для просве-

жения капитанских мозгов" устраивались такие поездки. И вот эти капитаны повстречались с санями, запряженными парой рысаков под сеткой. На козлах монументальная фигура кучера с медалями поверх армяка, а пассажирки — две дамы, одна очень красивая, и она же, когда сани поравнялись со всадниками, сделала легкий поклон. Капитаны всполошились, повернули своих лошадей и стали преследовать сани, награждая дам самыми изысканными комплиментами. Те начали хохотать. Кучер тронул крупной рысью. Каликаны некоторое время скакали, но, при выезде из парка, их остановил полицейский офицер, спросил их фамилии и пояснил им, что в санях сидели Государыня Императрица Александра Феодоровна и дежурная фрейлина, и им придется об этом дожелить Начальнику Школы.

Вообразите их смятение! Пропала 20-летняя служба, Петропавловская крепость, а может и еще хуже...

Поплелись они уныло домой переодеться для представления начальству в форму одежды "обыкновенную", которая так называлась, по всей вероятности, потому, что она была необыкновенной, зашли в собрание закусить, словом, не спеша взойти на эшафот, но, наконец, решились.

Каково же было их удивление, когда Начальник Школы генерал Синицын встретил их с улыбкой и, уже в начале доклада, прервал их:

— Я все знаю, только что из Александровского

Дворца телефонировал дежурный флигель-адъютант о просьбе Государыни не наказывать тех офицеров, кои сопровождали ее в Баболовском парке.

Просьба Государыни — это повеление и потому капитаны избежали каких-либо не приятностей, и они были крайне смущены объяснением Начальника Школы, что Государыня приветствовала их поклоном, ожидая, что офицеры отдаут ей честь и что кресты и медали сверх армяка надевают лишь кучера Высочайших Особ.

Это было в 1909 году.

Кто проходил курс Офицерской Артиллерийской Школы после Русско-Японской войны, тот вспомнит ее с благодарностью за те солидные знания, которые

она давала, за благожелательный режим, установленный Начальником Школы генералом Синицыным. Подбор инструкторов был исключительный. Кто в артиллерию не знал такие имена, как Гобято, Ханжин, Шихлинский?

Благодаря особому вниманию к Школе Генерал-Инспектора Артиллерии Великого Князя Сергея Михайловича, полигон Школы в Луге был устроен с новейшими техническими оборудованием и потому стрельбы, при обилии снарядов, имели очень поучительный характер, теорию же основательно проходили в зимние месяцы в Царском Селе.

А. Лесицкий

„Hohenfriedberger“

Вперед, ребята, на врага пойдем,
Коней, ретивых, в пушки запряжем.

“Hohenfriedberger” — очень известный в германской армии, старинный прусский марш, времен Фридриха Великого, который у нас в Российской Императорской Армии был принят, как марш Конной Артиллерии. Кстати, в этом году, немцы отмечают двухсотлетие создания конной артиллерии в прусской армии. Род оружия этот, прусская армия заимствовала у нас. В Семилетнюю войну, Фридрих Великий, увидев и по достоинству оценив действия непосредственно с Русскими кавалерийскими полками весьма подвижных и легких пушек, с конной же прислугой на них, приказал и у себя в армии сформировать две 10-орудийные, конные батареи, состоящие из 6-футовых пушек. Этим, он положил начало существованию в прусской армии конной артиллерии.

Таким образом, дав немцам идею создания конной артиллерии, позже мы от них получили для своей конной артиллерии старинный прусский марш. Нет точных указаний, кто написал его, но предполагают, что автором его был написавший и многие другие марши сам король-полководец. До 1745 г., марш этот назывался “маршем славных и победных фанфар”. В 1745 г., во вторую Силезскую войну, после сражения при Hohenfriedberg'e, где Фридрих II одержал блестящую победу над австрийцами и их союзниками — саксонцами, марш этот был нежалован, как полковой, наиболее отличившийся в этом сражении Аисбах-Байрейтскому драгунскому полку и, в память сражения, назван его именем — “Hohenfriedberger”. В этом бою Аисбах-Байрейтские драгуны, стремительной атакой, опрокинули 20 батальонов противника, захватив 66 знамен и 80 орудий. Рассказывают, что незадолго до войны, неожиданно и в неурочное время, рано утром, король, прибыв в расположение этого полка, приказал произвести полковое учение, по тревоге. Види-

мо, драгуны еще не совсем пришли в себя после сна, ученье как-то не ладилось, король остался очень недоволен полком и приказал командиру — убрать этих, “еще не проспавшихся пьяниц” с поля. И вот, после победной атаки у Hohenfriedberg'a, когда полк, с захваченными трофеями — знаменами и пушками, проходил церемониальным маршем мимо короля, из рядов раздался воглас: “ну что же он теперь скажет о своих пьяницах...?” Вместо ответа, король безмолвно снял шляпу и с обнаженной головой стоял, пока последний драгун не миновал его.

Этот-же марш, как полковой, имели 2 кирасирский, как вышедший их Аисбах-Байрейтского драгунского полка и, позже, 6-й кавалерийский полк Wehrmacht'a, принял их историю и традиции. Как попал он к нам? В своей, интереснейшей, книге “Маршальский жезл и литауры” — традиции и обычан германской и австро-венгерской армий, — автор доктор Карл Зегэр указывает, что в начале XIX столетия, между прусским Королевским и Русским Императорским драмами была тесная дружба, подкрепленная еще и родственными узами. К этому времени, многие Русские марши вошли в прусскую армию и наоборот. Так, например, в 1827 г. принц Вильгельм привез из Петербурга марш лейб-гвардии Семеновского полка, который в 1914 г. принадлежал 2 гренадерскому и 41 пехотному полкам германской армии; 5 гренадерский

79 пехотный полки имели марш С.-Петербургского гренадерского полка, шефом которого был прусский король, наш Русский гимн игрался, как встречный марш, 6 кирасирским, 1 и 3 уланскими полками германской армии и т. п. Наверное, в таком-же порядке дружественного обмена, среди других немецких маршей, пришел к нам и “Hohenfriedberger”, но когда и при каких обстоятельствах он стал маршем нашей Конной Артиллерией? Надеюсь, что на этот вопрос нам смогут дать ответ наши старшие конно-артиллеристы.

В. П.

Кадетские журналы

В книге, изданной Государственной Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в 1959 г., т. 2-ой “Библиография Periodических изданий России — 1901-1916 г. г.”, на стр. 123-125 имеются следующие сведения о кадетских изданиях:

“КАДЕТ”. Литерат. научн. журнал 3-го Московского Имп. Александра II кадетского корпуса. Москва, 1909, 1910, 1912, 1914-1916. По мере накопления материала. Редакт. В. Комовский; № 2 — он же и С. Лисицын; № 3 — С. Лисицын; № 6 — Корбутовский; № 7 — С. Винкстерн и М. Егоров; № 9 — В. Селиванов; № 10 — Ф. Никитин. Издатели: воспитанники 3-го Московского корпуса; № 6 — Рашевский; № 7 — С. Винкстерн и М. Егоров; № 10 — Ф. Никитин.

1909 № 1 (янв.) по № 4 (дек.) вкл.
1910 № 5 (май) и № 6 (дек.).
1912 № 7 (февр.).
1914 № 8 (апр.).
1915 № 9 (март).
1916 № 10 (дек.).

Обозначенные на номерах порядковые годы издания — “первый год”, “второй год” и далее — указывают не календарные годы, а учебные.

“КАДЕТ”. Двухнедельный литературный, научно-популярный и кадетской жизни журнал Сумского кадетского корпуса. (С сентября 1907 года подзаголовки с некоторыми изменениями). Сумы (Харьковская губерн.). 1906-1908 г. г.

Редакт. А. И. Дьяченко, кадет; с № 7 — он же и В. Черняевский, вице-унтер офицер; № 1 (сент.) 1907 — А. Валеев 2-ой и А. Богоявленский; с № 2 (ноябрь) — А. Богоявленский. Издат. — Сумский кадетский корпус.

Пагинация продолжающаяся, 1906-1907 (№№ 1-10) 226 стр. 1907-1908 (№№ 1-3) — 80 стр.
1906 г. № 4 (15. X) по № 5 (15. XII).
1907 г. № 6 (15. I) по № 10 (15. III).
” № 1 (сент.) и № 2 (ноябрь).
1908 г. № 3 (янв.).

На титульном листе: “На правах рукописи”.

“КАДЕТ-МИХАЙЛОВЕЦ”. Литературный и популярно-научный журнал 2-го кадетского... вел. князя Михаила Николаевича корпуса; с № 9 — Литературно- и популярно-научный журнал 2-го кадетского Императора Петра Великого корпуса. Спб. 1907-1913 г. г. По мере накопления материала.

Редакт. Г. Кругликов, М. Сциринг; с № 3 — А. Ефимов, С. Иванов 6-й; с № 5 — Н. Кропоткин; с № 7 — А. Гаевский, вице-унтер-офицер; с № 9 — Н. Семенкевич, кадет.

Издат.: Воспитанники 2-го кадетск. корпуса.
Иллюстрации.

1907 г. № 1 (6.XII).
1908 г. № 2 (15. III), № 3 (23. XI).
1909 г. № 4 (15. V); № 5 (23. XI).
1910 г. № 6 (12. V); № 7 (23. XI).
1911 г. № 8 (15. V).
1912 г. № 9 (23. XI).
1913 г. № 10 (23. XI).

С № 9, в связи с переименованием корпуса, журнал стал называться “Кадет-Петровец”.

“КАДЕТ-СИБИРЯК”. (Журнал кадет Первого Сибирского Имп. Александра I кадетского корпуса). Издание в пользу раненых воинов. Омск. (Акмолинской области). 1914-1915 г. г.

Редакт. Н. Гусев.
1914 г. № 1 (без даты) и № 2.
1915 г. № 3 и № 4.

“КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ”. Литературн. и популярно-научный журнал 2-го Московского Имп. Николая I кадетского корпуса. Москва, 1906-1907 г. г.

Редакт. С. Волков.
1906 г. № 1 (дек.).
1907 г. № 2 (янв.-февр.).

“КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ”. Литературный журнал Нижегородского графа Аракчеева кадетск. корпуса. Нижн. Новгород, 1907 г.

Редакт. Л. Кравков.
Пагинация продолжающаяся, всего 94 стр.
1907 г. № 1 и № 2 — без дат.
На обложке: “На правах рукописи”.

“КАДЕТСКИЙ ДОСУГ”. На обложке подзаголовок: Издание кадет Симбирского кадетского корпуса. Симбирск, 1905-1906 г. г.

Редак-издат. А. Панкратьев и С. Протопопов.
1905 г. № 1, № 2-й без дат, № 3, № 4 и № 5.
1906 г. № 1, № 2, № 3 и № 4.
Далее журналов симбирских кадет было:

“ПЕРВЫЙ ТРУД”, 1906-1908 г. г., 1911-1912 годы. Редак. — группа симбирских кадет.
1906-1907 г. г. № 1 до № 6 вкл.
1907-1908 г. г., с № 1 по № 4 вкл.
1908 г., № 1 и № 2.
1909-1910 г. г. не выходил.
1911-1912 г. г. — № 1 и № 2.
1907-1908 г. г. изд. на правах рукописи.

“КАДЕТСКИЙ ДОСУГ”. Журнал литературный и популярно-научный Первого кадетского корпуса. Спб. 1905-1913 г. г. Сначала выходил 2 раза в месяц; с 1909 г. — по мере накопления материала.

Редакт. Е. Д. Карамышев; с № 10 1907 г. Г. Терне и К. Кокшаров; с № 1 1907 г. К. Кокшаров и

В. Павлов; с № 1 1908 г. Н. Ефимов и А. Иванов; с № 1 1909 г. Н. Комаров и Д. Колпинский; с № 5 1910 г. Г. Нельсон-Гирст и Д. Колпинский; с № 50 1910 г. Д. Колпинский и Монсекин; с № 52 1911 г. А. Михель и А. Геринг; с № 1 1912 г. А. Геринг, М. Бронников и Н. Бобков; с № 2 1912 г. Н. Макшеев, М. Бронников и Н. Бобков.

Издат. Е. Д. Карамышев; с 1907 г. — не указыв. 1905 г. № 1 (25 ноября) по № 3 (15 дек.). 1906 г. № 4 (10 янв.) по № 15 (15 апр.). 1906 г. № 1 (сент.) по № 9 (25 дек.). 1907 г. № 10 (20 янв.) по № 15 (5 апр.). 1907 г. № 1 (1 окт.) по № 4 (12 дек.). 1908 г. № 5 (28 янв.) по № 7 (28 марта). 1908 г. № 1 (15 окт.) по № 3 (20 дек.). 1909 г. № 4 (3 февр.) по № 6 (28 мая). 1909 г. № 1 (28 окт.) по № 2 (20 дек.). 1910 г. № 3 (20 янв.) по № 6 (2 мая), № 50 (20 дек.). 1911 г. № 51 (2 апр.) по № 54 (17 янв.). 1912 г. № 56 (7 янв.) по № 61 (26 мая). 1912 г. № 1/62 (15 окт.) по № 3/64 (9 дек.). 1913 г. № 4/65 (15 янв.) по № 7/68 (7 мая).

На обложках с 1907 г., кроме календарного, указывался учебный год. Издавался на правах рукописи.

№ 12 1907 г. посвящен 175-летию Первого кадетского корпуса.

Предшественником "Кадетского досуга", по заявлению редакции, был выходивший с 1 ноября 1903 года по 1 марта 1904 г. "Листок самообразования", называвшийся с № 2 1903 г. "НАШ ЛИСТОК" — художественный военно-литературный журнал. Печатался на гектографе.

Приложения: 1906 г.: Степанов: "Военное воздухоплавание". Реферат. СПб. 1906 г. 16 стр. 1909 г. — список убитых и умерших от ран, полученных в войну с Японией, 1904-1905 г. г., — 3 стр. (к № 5).

"КАДЕТСКИЙ СБОРНИК КОРПУСА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II". Журнал литературный и популярно-научный. СПб. 1906-1910.

Выходил по мере накопления материала, не менее пяти раз в год.

Редакт. Н. А. Зотов, подполк.; № 16 — А. И. Баранов, подполк. Издат. А. И. Баранов, подполк.

Иллюстрации в тексте и на вклад. листах.

1906 г. т. 1, (22 дек.).

1907 г. т. 1, № 2 (1 февр.) по № 5 (1 мая).

1907-8 г. г., т. 2, № 6/1 (1 окт. 1907 г.) по № 10/5 (1 апр.).

1908-9 г. г., 3, № 11/1 (6 окт.) по № 14-15 (4-5) (1 апр.).

1910-11 г. № 16 (30 ноября).

Журнал издавался на правах рукописи.

"КАДЕТСКОЕ СЛОВО". Журнал IV класса Николаевского кадетского корпуса; с № 2 — литературный и популярно-научный журнал Николаевского кадетск. корпуса. СПб. 1906 г. Ежемесячн.

Редакт.-издат. И. В. Казначеев. Иллюстрации.

1906 г. № 1 (янв.) — последп. № 10 (дек.).

Далее журнал выходил под названием:

"МАЛЕНЬКИЙ ЖУРНАЛ". 1907-1909 г. г. Литературный, педагогический и популярно-научный журнал. Ежемесячник.

Ред.-издат. И. В. Казначеев. Иллюстр.

1907 г. № 1 (март) по № 3.

1907/8 г. № 4 по № 5/6.

1908/9 г. № 7/9 (19 февр.), последн.

"КАДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ". Издание кадет Киевского Владимирского кадетского корпуса. Киев 1912 г.

Редакт. В. Афанасьев и Г. Михайлов.

1912 г. № 1 (без даты).

Сообщил полковн. А. Савченко

Манежная езда и конный праздник

Из разных видов спорта, кроме очень распространенного среди кадет футбола, особенный интерес среди нашей кадетской молодежи старших классов, возбуждала верховая езда, что вполне естественно, так как многие из нас собирались по окончании корпуса выйти в кавалерийские училища.

К сожалению, этот вид спорта был нам наименее доступен, хотя бы по своей дороговизне. Езда в частных манежах столицы стоила довольно дорого, а казенный манеж Кавалерийского училища и строевые кони предоставлялись только седьмому классу Нико-

лаевского кадетского корпуса и то на один час в неделю.

Вопрос этот неожиданно разрешился для нас весьма благоприятно с того момента, когда в корпус временно был назначен воспитателем участник Японской войны, Донского войска подъесаул Булацель, впоследствии перечисленный, как штабс-ротмистр по общей кавалерии. С согласия директора корпуса, было разрешено желающим, частным образом, брать уроки езды, записаться у подъесаула, который и взялся за обучение довольно значительной конной смены из кадет первой роты.

Езда производилась в одном из очень скромных частных манежей Петербурга. Фамилию я уже не помню, знаю только, что манеж был на Галерной улице.

Мне кажется, что корпус как-то говорился с этим манежем, так как нам были предоставлены весьма льготные условия. Правда, конским составом наш манеж не блистал, но в течение нескольких месяцев мы, под руководством Булацеля, постигли все, что могло ожидать нас в манеже младшего курса кавалерийского училища, и постепенно начали подготовляться к конному празднику, который решено было устроить вскоре после Пасхи.

Самое большое удовольствие доставляли нам поездки за город всей сменой. В манеже можно было брать лошадей "на часы" для таких поездок. Конечно, это было довольно дорого, так как цена была иная, чем за лошадь в манеже. Кроме того, нужно было оплатить сопровождающий персонал манежа. Наш штабс-ротмистр, по возможности, водил смену полевым галопом по хорошим полевым дорогам окрестностей столицы, мимо дачных поселков и жиценьких лесов. По дороге преодолевались небольшие препятствия, канавы или изгороди.

На конном празднике решено было, кроме сменной езды, показать еще и карусель с участием дам. Среди наших знакомых петербургских барышень нашлось

достаточно желающих принять участие в конном празднике и начались репетиции, которые проходили довольно удачно.

Как сейчас помню наш скромный манеж, украшенный флагами, и ложу. На хорах, в парадной форме, хор трубачей гвардейской конной артиллерии. Прибывает корпусное начальство, трубачи играют встречу. Ложа постепенно наполняется гостями: тут и наши родные, и множество наших одноклассников, пришедших посмотреть на конный праздник.

Сперва идет сменная езда с прыжками через препятствия. Начинают уже появляться наши дамы, такие стройные в темных амазонках и непривычно торжественные в котелках. В предманежнике много волнений, разбираем коней, помогаем дамам садиться в седло.

Все немного волнуются, как бы не напутать чего-нибудь в каруселе, но все проходит благополучно. и фигуры в карусели, и прыжки через препятствия. Праздник постепенно кончается. Приглашенный фотограф делает групповой снимок с нашими дамами, которым поднесены букеты.

В общем праздник длится нам в копеечку, но зато все это было так хорошо и торжественно и останется памятью на всю жизнь. У каждого из счастливых переживаний счастливой юности и кадетских лет.

Ф. Кочетов

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

КТО ПРАВ?

В России, с объявлением мобилизации, все шефские отличия иностранного происхождения, запечатывались в ящики и отправлялись в Главный Штаб на хранение. В Германии было иначе. Во время первой Великой войны, можно было видеть на фронте немецких кирасир (6-го Кирасирского полка), украшенных вензелями нашего, покойного и ныне, Государя, с трафаретом Н П" на плечах. В плена, в Германии, произошел довольно курьезный случай: комендант одного из лагерей в Саксонии набросился на пленного поручика русской службы и сделал ему выговор: "Как вам не стыдно, шефом вашего 4-го пехотного Колорского полка состоит наш Саксонский король, а у вас на погонах нет его вензелей", и, несмотря на все возражения поручика, комендант запретил в Дрездене вензеля саксонского короля на погоны пленного офицера.

Но было и что-то общее, например, во взглядах на героизм врача. Так Император Павел I вернул пленному польскому генералу Костюшко его саблю, за проявление выдающейся храбости, при защите предместья Варшавы — Праги, в 1794 г. — Немцы в 1916 году, преподнесли саблю французскому генералу, коменданту форта Во (один из фортов Верде-

на) за отчаянное сопротивление противнику. Генерал этот не только посыпал полную парадную форму, при оружии, в пределах лагеря, но и появлялся, по праздничным дням, в г. Майнце.

Такие примеры поощрения врага за его выдающуюся храбрость не единичны, но, к сожалению, не во всех армиях были одинаковые взгляды на этот предмет.

Эраст С - кий

ЛЕЙТЕНАНТЫ

В № 35 — 1959 г. "Военной Были" помещена заметка г. В. П., в которой автор дает свое объяснение, почему в табелях о рангах всех армий генерал-лейтенант стоит выше генерал-майора, хотя майор и выше лейтенанта. Объяснение это построено, однако, лишь на созвучии слов. Между тем, слово "лейтенант" имеет несколько значений и, если мы обратим внимание именно на это, то должны будем признать, что в табелях о рангах генерал-лейтенант находится на своем месте вполне логично.

Генерал-лейтенанта посыпал в новооткрытые земли, например, Испанский Король, и в том случае "генерал-лейтенант" означало "генерал-наместник" (короля), или "вице-король", ибо слово "лейтенант",

буквально “бдитель мсса”, означает в данном случае “наместника”, или “вице-короля”.

Впоследствии генерал-лейтенант несколько “разменялся” и стал наместником, правильнее “заместителем”, (еще одно значение слова) фельдмаршала (в б. Австро-Венгерской армии), или генерала (полного) в прочих армиях. В Британской Империи “вице-губернатор” и сейчас называется «*Lieutenant Governor*», генерал-губернатор Ульстера (до 1922 г. всей Ирландии) называется «*Lord Lieutenant*», т. е. “Лорд наместник” Короля, т. е. “вице-король”. Подобно этому и «*Lieutenant Colonel*» является “вице-полковником”.

Таким образом генерал-лейтенант, как заместитель высшего, конечно, должен быть выше “генерал-майора”, который ни “наместником”, ни “заместителем” кого-либо высшего не является, будучи всего лишь “главным майором”.

Отсюда также следует, что переводить чин генерал-лейтенанта словами “генерал-поручик”, как это было сделано русской армией в 18-м веке, конечно, нельзя. Эта ошибка неудачного перевода была впоследствии замечена и исправлена.

Что касается первого офицерского чина, того “лейтенанта” который в славянских армиях зовется погончиком, или подпоручиком, то здесь это слово употреблено в смысле только “держатель места”, или просто “держателя”. В русской транскрипции этого слова его действительное значение несколько заржавлено, но в иностранных оно проступает совершенно ясно, напр., в румынской армии этот чин называется «*Locotenente*» (держатель места), в итальянской, просто «*tenente*» (держатель), кстати, в английском языке словом «*tenant*» обозначается каждый временный владелец: арендатор, квартирантиматель, и т. п.

Вся суть дела заключается, таким образом, в том, что одно и то же слово, даже в наиболее точных языках, может иметь несколько значений и в таких случаях его смысл определяется окружением, или затемняется отсутствием такового.

B. E. Милоданович

СТАТУЯ БОГОМАТЕРИ ИЗ РУССКИХ ПУШЕК

Во Франции, в городе Le Puy департамента Haute Loire, на вулканическом утесе высотой в 755 метров, стоит статуя Богоматери — *Notre Dame de France*.

История ее постановки такова: в эпоху второй Империи, монсеньор де-Морлон, которому принадлежала инициатива ее создания, не мог собрать достаточных средств для этого и вот, из под стен осажденного Севастополя, пришло ему письмо от командующего французским экспедиционным корпусом генерала Пелиссе, в котором этот последний писал, что, предполагая на днях штурмовать Севастополь, рекомендует ему обратиться к Императору Наполеону с просьбой передать для постройки статуи “пушки, которые он возьмет”.

Император разрешил “при условии, что они будут

взяты”. Таким образом, статуя эта, 16 метров высоты, на пьедестале в 6 м. 70 с., была вылита из 213 русских пушек Севастополя.

Сообщила *Ирина Фиркс*
“У ЭТОГО-ТО ШАШКА ЕСТЬ...”

Генерал Комаров, будучи незадолго до Первой войны командантом Варшавы, строго следил за тем, чтобы офицеры всегда были одеты по форме. Он, часто и подолгу, стояя у окна своего кабинета, наблюдал за проходившими, и, если замечал что-нибудь не в порядке, — немедленно посыпал казака, с приказанием виновному явиться в Командантское Управление.

Однажды, заметив проходившего офицера, у которого не было шашки, он потребовал его к себе. По дороге, в прихожей, офицер увидел, висевшее на вешалке, генеральское пальто и тут-же стоявшую шашку. Недолго думал, он надел генеральскую шашку и представился Команданту.

— Что прикажете, Ваше Превосходительство?

Генерал, с удивлением посмотрев на него, сказал:

— У вас есть шашка?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Ну хорошо, можете быть свободным.

Офицер, повернувшись по уставу, вышел из кабинета, снял генеральскую шашку, поставил ее на место, в прихожей, и направился к выходу.

Генерал опять подошел к окну и, опять увидев офицера без шашки, приказал вновь его задержать. Тот снова проделал ту-же операцию и явился к Команданту с его собственной шашкой. Пораженный генерал потрогал даже портупею и, убедившись, что у офицера шашка есть, отпустил его, сам-же снова направился к окну.

В это время, в кабинет вошла его жена. Генерал обратился к ней:

— Ты видишь вот этого офицера, который только что вышел из Командантского управления? Скажи, пожалуйста, есть у него шашка или нет?

Генеральша посмотрела и ответила:

— У этого офицера шашки нет...

Командант вздохнул, улыбнулся и сказал:

— Я тоже так думал... Нет, милая, у этого-то шашка есть.

Сообщил *Е. К.-с.*

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В отрывном календаре на 1959 год Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, в листке от 10 декабря, помещено продолжение описания взятия Плевны (начало в листке 9 декабря).

Там напечатано: “Еще мгновение, и враг прорвался бы через передевые ряды храбрецов... Но в эту минуту явились на помощь гренадерские полки: Малороссийский, Архангельский, Вологодский, Астраханский и Фанагорийский”. В действительности гренадерские полки: Малороссийский, Астраханский, Фанагорийский (3-й гренадерской дивизии) и 17-й пехотный Архангелогородский и 18-й пехотный Вологодский полки 5-й пехотной дивизии.

П. Папаю.

В школе Императора Александра II

Вот, прошло уже более сорока лет, как я, в то время воспитаник Школы Императора Александра II, находившейся в то время в Новом Петергофе, получил Евангелие, издания Синодальной Типографии, Петроград, 1915 г.

В один весенний солнечный день, когда земля еще ла покрыта снегом, воспитанники избежали избушек и избушек снегом, воспитанники были собраны в нашем огромном зале. В то время мы все носили на шинелях погоны красного цвета, с золотым вензелем Императора Александра II; среди нас был воспитанником и греческий принц, маленький, черненький мальчик, лет девяти. В зале мы увидели три огромные корзины сделанные из ветвей коричневого цвета, в которых лежали небольшие Евангелия в разноцветных переплетах.

Нас поставили в строй и, после краткой молитвы, каждому было предложено взять себе одно Евангелие. Я выбрал себе красного цвета, — мой отец, в то время уже Георгиевский кавалер, командовал, в чине полковника, третьим батальоном 102 пехотного Вятского полка.

Подаренное в тот памятный день Евангелие незаменимно хранится у меня. Переплет потемнел, книга немного потрепана и самые листы этой реликвии по-

желтели от старости, но, когда придет и мой смертный час, я хочу, чтобы книга эта легла со мной вместе в гроб.

На первой странице Евангелия напечатано стихотворение Великого Князя Константина Константиновича, которое я здесь и привожу полностью:

Пусть эта книга священная,
Спутница вам неизменная,
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистотой вашей душой.

K. P.

Вот мое далекое, короткое воспоминание, которое навсегда осталось у меня в памяти.

Георгий Цвейгинский.

Поступили в продажу следующие справочники о Русской Армии 1914 г.

1) «ОПИСАНИЕ ФОРМ ОБМУНДИРОВАНИЯ»:

а) Тетрадка в 132 стр. (25 × 33 см.), содержащая описание форм всех родов оружия и предметов обмундирования, с точным указанием цветов и порядка ношения. Указаны также цвета кавалерийских флюгеров, масти коней и т. д. Походные и развернутые строи пехоты, конницы и артиллерии.

б) Таблицы схем для раскрашивания (того-же формата); около 20 таблиц посвящены пешим и конным фигурам во весь рост, около 50 — содержат схематическое изображение форм полков и около 50 — заняты увеличенными и подробными рисунками различных предметов обмундирования и т. п.

Цена тетради текста и 100 первых таблиц — 100 N.F.

» дополнительной тетради в 20 таблиц — 10 N.F.

2) «РУССКАЯ АРМИЯ 1914 Г.»

Подробная дислокация (стоянка, старшинство и праздник части). Формирования военного времени 1914-17 г.г. и список всех регалий и отличий частей (Георгиев. Знамена и Штандарты, трубы, знаки отличия и т. д.). Тетрадка в 132 стр. (25 × 33 см.). Цена — 20 N.F.

Склад у составителя: W. W. Zweguintzow, 17, rue Saint-Saëns, Paris (15^e).

Систематический указатель журнала „Военная Быль“

№№ 1—30 (Продолжение)

Владикавказский кадетский корпус

Бурка — № 22, январь 1957 г., стр. 24.

Неприятное переживание — № 24, май 1957 г., стр. 24.

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус

Каргалла — № 2, июнь 1952 г., стр. 18; № 3, сентябрь 1952 г., стр. 27.

Пугачевские дороги — № 12, январь 1955 г., стр. 2; № 13, апрель 1955 г., стр. 16.

Конец Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса — № 29, март 1958 г., стр. 11; № 30, май 1958 г., стр. 13.

Симбирский кадетский корпус

Великокняжеская подкладка — № 15, октябрь 1955 г., стр. 17.

Суворовский кадетский корпус

Музыканты — № 1, март 1952 г., стр. 33.

«Суворовцы» — № 11, стр. 22.

Слава суворовским кадетам, славной Школе и Царевым уланам — № 26, стр. 26.

Полоцкий кадетский корпус

Из жизни Оптины Пустыни — № 24, стр. 27.

Орловский Бахтина кадетский корпус

Князь Георгий Константинович — № 19, июль 1956 г., стр. 12.

Две кадетские медали — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 15.

Кадетские годы — № 11, октябрь 1954 г., стр. 2; № 12, январь 1955 г., стр. 4; № 13, апрель 1955 г., стр. 6; № 14, июль 1955 г., стр. 9; № 15, октябрь 1955 г., стр. 4; № 16, январь 1956 г., стр. 7.

Петровский Полтавский кадетский корпус

Директор корпуса генерал Е. П. Врангель — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 5.

Погоны разные, а душа одна — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 40.

Великий Князь в Полтаве — № 10, июль 1954 г., стр. 1.

Псковский кадетский корпус

Из воспоминаний о Пскове — № 6, июль 1953 г., стр. 13.

Походы и экспедиции в корпусе — № 10, июль 1954 г., стр. 6.

Сумский кадетский корпус

Сумы в 1918 году — № 5, апрель 1953 г., стр. 11.

Освящение Знамени — № 9, апрель 1954 г., стр. 20.

Из далекого прошлого — № 12, январь 1955 г., стр. 11.

Миниатюры прошлого — № 15, октябрь 1955 г., стр. 16; № 20, сентябрь 1956 г., стр. 25.

Фарфоровая кокарда — № 8, январь 1954 г., стр. 3; № 9, апрель 1954 г., стр. 3; № 10, июль 1954 г., стр. 4; № 11, октябрь 1954 г., стр. 6.

О Сборнике Сумского кадетского корпуса — № 19, стр. 29.

Одесский Великого Князя Константина

Константиновича кадетский корпус

После Канделя — № 14, январь 1955 г., стр. 5.

Хабаровский Графа Муравьева-Амурского кадетский корпус

Война 1914 года — № 4, январь 1953 г., стр. 19.

Черный погон (стихи) — № 6, июль 1953 г., стр. 11.

Из истории Хабаровского Графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса — № 16, январь 1956 г., стр. 24.

«Сокка» — № 22, январь 1957 г., стр. 22.

Ленька — № 22, январь 1957 г., стр. 23.

Пажеский Его Императорского Величества корпус

Производство в офицеры — № 24, май 1957 г., стр. 21.

Императорский Сухопутный Шляхетный корпус — № 12, январь 1955 г., стр. 21.

Морской Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича корпус

Императорский Шляхетный Сухопутный корпус — № 12, январь 1955 г., стр. 21.

Кадетское плаванье — № 17, январь 1956 года, стр. 14.

День в Морском корпусе — № 23, март 1957 г., стр. 15; № 24, май 1957 г., стр. 12.

Морской корпус в Бизерте — № 26, сентябрь 1957 г., стр. 17.

6 ноября — № 27, ноябрь 1957 г., стр. 1.

О Т Д Е Л II

СОКОЛИНЫЕ ГНЕЗДА — ЮНКЕРА

Общее: Прощание с моими детьми — № 26, сентябрь 1957 г., стр. 22.

Павловское Военное училище

Из истории Павловского Военного училища — № 11, октябрь 1954 г., стр. 22.

Е. Л. Янковский.

(Продолжение следует)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Десятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТИКА».

Подписная цена с пересылкой на год:

7 Н. Фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну“

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий.
Книга не поступит для продажи в книжные магазины. Выписывать только со склада издания:
С. ПОПОВ, 32, rue Charles de Gaulle,
Montmorency (S.-et-O.).

Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеанские — 6 амер. дол.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 4 (49)
т. XVII, 1959 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин,
38, Bd de la République, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„Возрождение“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:

73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:
Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездина — 1, Chemin Ducal, Tervuren, Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 49, Penywern Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гатенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Rive Drive Apt. 103 A. New-York 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у В.Ю.Степанова, 57, rue Bruce, Stanmore (N. S. W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венесуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Рябнянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

